

Александр Диев

Красный квадрат – вода

Александр Диев
Красный квадрат – вода

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40488388

ISBN 9785449623263

Аннотация

Книга повествует о работе советской милиции при освоении газового месторождения, где красный квадрат из-за коррупции превращается обточенный водой в колесо, а также все заслуги рабочих в тлен.

Красный квадрат – вода

Александр Диев

© Александр Диев, 2019

ISBN 978-5-4496-2326-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В О Д А

Весна наступила бурно. В конце мая река вскрылась, пошел ледоход. Мужики, кто был в поселке

кинулись на берег, вода быстро подымалась. Надо было спасти свое имущество, находившееся в

лодочных балках, да и сами плавсредства. Да и мне участковому инспектору пришлось делать тоже

самое. Беспечность наша могла обойтись боком. Зима была ранней и наши балки просто примерзли

к песку и вывезти их подальше от берега было невозможно. Да они бы просто развалились т.к. стояли на санях у кого – то на железных, а у кого и на деревянных. Закрепленную за мной лодку «Прогресс»,

вообще – являющуюся морским шлюпом оттащил поближе к дому, где получил квартиру, а вернее

занял по разрешению председателя поссовета Анатолия

Сергеевича Зуйкива. Все старые работники экспедиции хотели получить квартиру на втором этаже, считая, что там теплее. Эта квартира была

вообще – то выделена бывшей моей напарнице по работе в УГНРЭ Нинке по прозвищу» карасик»,

за ее малый рост и бойкий живучий характер. Работали мы с ней в газовом хозяйстве Артамонова, а их было два однофамильца, второй работал в вышкомонтажной конторе. Ну и дура, что отказалась, а экспедиционное начальство от-молчалось. Да и как оно заартачится, когда замначальника по быту и кадрам Николаев Николай Александрович, бывший подполковник Советской армии был мне как отец, да и сам меня затолкал участковым по просьбе начальника районного отдела так как, после армии, а служил в спецвойсках МВД и торчал из-за непогоды в промежуточном пункте в форме милиции. Попался на глаза оперу, Юрию Эйхману во время патруля в аэропорту, он сразу сказал мне, что в форме в порту ночевать нельзя, пойдем лучше со мной в рейд по значным местам, да и переночуешь в отделе. Утром я умудрился попасть на глаза начальнику, ну и понеслось. Юрка меня нахвалил за смелость и наблюдательность и знание законодательства. Нас – то в батальоне заставляли учить наизусть. На предложение пойти служить в милицию, я долго упирался, но потом пообещал, что заработаю в своей экспедиции деньги на свадьбу и тогда решу. Спросил разрешения на свободу и укатил в аэропорт.

В экспедиции я был направлен в цех испытания скважин. Со своим наставником Кудиновым

разбирал и готовил к работе геликсные манометры. В цехе испытания познакомился с водителем Аветисовым Абриком. Очень интересный тип, шустрый, чернявый, что – то в его поведение мне показалось знакомым, работал он на ГАЗ – 66 в грузовом варианте. На эту машину мы с ним погрузили манометр, который в собранном виде весил около трехсот килограмм. С геологом Зиной мы должны были вылететь

на буровую, для испытания скважины и получения данных об объеме залежей пласта и его продуктивности. На вертолет погрузили манометр и почти три километра проволоки. На ней инструмент должны были

с помощью ручной лебедки опустить в скважину. Нас там ожидали и как белой кости дали под жильё балок – бочку. До армии такого жилья еще не было. Два года назад жилые вагончики были обычные небольшие также на два кубрика с двухэтажными железными синими кроватями по обе стороны спальни, посередине на против входа сушилка с дверями, где стоял козел, асбестовая трубка с намотанной спиралью служила печкой. Буровики ставили там свои брезентовые все в глиняном растворе штаны и куртки. Которые очень редко даже промывались, залазили в спальные мешки и отдыхали. В свободное время пили чефир, очень крепкий чай, ели конфеты «Буратино» типа вафли с шоколадом, го-

вяжью колбасу нарезаая её пластиками. Потом играли в карты на конфеты или сгущенку. Все это выдавалось за вредность на производстве и рассматривая западные журналы, бог знает откуда – то появляющиеся и с завистью смотрели на тамошних буровиков в синей спецовке с надписями. Ругались почему там такие условия, а у нас такие плохие. В жилой бочке было три отделения; два спальных помещения и посередине комната для питания со шкафами.

Зинаиде было лет двадцать пять, может больше. Она была несравненно красива лицом и фигурой. Её белокурые волосы развевались на теплом ветерке, обычно мы проводили время вблизи балка на небольшом бугорке с зеленеющей травкой среди тундры. Та созревшая дыня меня конечно сильно по – мужски смущала.

Её тугие бёдра, пышная стоячая грудь, узкая талия производила неизгладимое впечатление, приходилось просто отворачиваться, хотя её бёдра постоянно прижимались ко мне, какой кошмар, но как и вино на меня не действовало совершенно, честно клянусь, не женщина, а сплошной батерфляй.

Буквально в ста пятидесяти метрах от нас вышкомонтажники, упираясь все силами на арматуру

заканчивали подготовку буровой к переезду и устанавливали превенторную арматуру на скважину. Десять дней нам пришлось просто отдыхать в ожидании окончания их работ. Спали мы в балке как обычно в спальных мешках. Зинаида косилась на меня как на мальчишку, но я был верен своей

любви и хранил

мужское достоинство, не давая ей даже намека на какую – либо близость. Работа наша была простая. Необходимо было спустить пластоиспытатель на проволоке в скважину и поднять. Затем вытащить и по диаграмме вычислить пластовое давление. После окончания работ по испытанию нас как обычно вывезли в поселок на вертолете. После этого я прямо признаюсь, долго каялся, что не вступил с ней в близость отношений. Уж очень была она хороша, но мне также было известно, что к ней захаживал главный геолог. Она не подозревала, что я был влюблен, а мне и в голову не приходило ухаживать за ней уж слишком я был святым и преданным. Тем более не знала, что её имя связано с отрицательной характеристикой одного момента в жизни нашей семейной тайны семьи.

Вот тут – то и нарисовался товарищ Николаев Н. А. и стал внимательно почему – то присматриваться ко мне. Перевел меня в «Тараканы», занимавшихся доставкой на буровые необходимое оборудование по заказам мастеров. Отправляя грузы на буровые от цеха испытания, я получал разные наряды от начальника диспетчерской службы Жаворонкова Льва разные номера буровых и наименование различных агрегатов или инструментов. Загружался я обычно на складах экспедиции, где хранилось электрооборудование и другие запчасти от инструментов бурения. У меня был свой водитель на ЗИЛ – 130 в грузовом варианте. В один из

Заказов мне необходимо было отправить огромный электромотор, такие тяжести хранились обычно в открытом доступе на стеллажах или под ними, прямо у склада. Подав команду шофёру подъехать к указанному месту загрузки, залез под стеллаж и вытащил электромотор весом около тридцати килограмм и поднял его целью загрузить в кузов с откинутыми бортами, но водитель отвлекся и не услышал, и не увидел, что уже грузу болванку и прямо бортов почти придавил меня к стеллажу, я успел только сориентироваться и моментально подставить между собой и кузовом мотор, только после этого машина остановилась. Чуть,

чуть и машина раздавила бы меня. Я отругал водилу и сразу выгнал его из – за руля, после чего в одиночку стал загружать и возить детали. Однако в следующий раз мне надо было отправить пластоиспытатель, а он

уже лежал в районе вертолётной площадки и необходимо было загрузить его в кузов, а будучи один, вес в триста килограмм я просто не осилил и надсадился подымая эту бандуру то за один конец то за другой.

Затем вообще освободил и перевел в художники оформители. Стал меня окучивать, что он служил, да не дослужил до пенсии всего один год из – за Хрущевских сокращений ВС. Я конечно понял, что это целый сговор. Между начальником экспедиции и полковником Хорошиловым. Для того чтобы дожать меня на переход в милицию. Короче им нужен был свой участковый, который знает порядок организации

буровых работ, жизни рабочих в поселке, то – есть местный, а не пришлый и не вмешивался бы сильно в дела на буровых, а если ковырнуть, то мало не покажется. Во – первых это отсутствие обваловки вокруг буровых в противо – пожарных и экологических требований и других невыполнимых правил ведения буровых работ.

В спортзале я перекрашивал наглядную агитацию, занимался тренировками, отработывая приемы самообороны. Тут ко мне пристал старший геолог Мухин. Хороший мужик я вам скажу, но не без изъянов, как и у всех буровиков. Крепкий чай, типа чефира и немного крепких напитков. На буровых обычно чефир готовили в трех литровых банках, пачка грузинского чая заливалась водой и бросался провод на контактах которого укреплялось обычное лезвие от бритвы и всё, через минуту пошло готово. Мухин жаловался на сердце и давление. Хотел позаниматься в спортзале и попросил его потренировать в знании приемов самбо. Я ему сразу сообщил, что для этого нужно разогреться, пробежками, отжиманием и т.д., научиться выполнять спортивное падение и на первое занятие пройти теоретический курс. Затем изучить движение ног, использование веса и силы противника. Но что ты, этот бычок ни в какую. Покажи ему все приемы сразу.

Да не выдержать даже десяти. Достал он меня, я его предупредил. Возраст у Вас за сорок пять, мышцы не расслаблены и не разогреты, падать не умеете, большое

сердце. Показал я ему несколько приемов,

Мухин попадал и успокоился. В спортзал он больше не приходил. На последок я предупредил его, что

злоупотребление чефиром и крепкими напитками приводит к инфаркту – миокарда, через несколько

лет это и произошло. Очень приветливый, доброжелательный был геолог, я даже не знаю почему

таким людям посвятивших себя своей профессии полностью отпущено времени так мало. В августе,

подкопив денег, я перевелся в Министерство Внутренних дел, а вернее был направлен экспедицией служить и защищать ее тяжелый труд освоения Крайнего Севера, который возможно в будущем поможет нашей стране. В районном центре я познакомился уже основательно с дружным коллективом, подписал все

необходимые документы и приказы. Меня поставили на дежурство помощником дежурного на сутки с участковым Михайленко Николаем. Вечером инспектор уголовки Эйхман Юра долго не выходил из своего кабинета. Михайленко не выдержал и зашел к нему проверить, что он там делает. Послышалась ругань

Юрия, что Николай не дает никакой жизни, а потом звон разбившегося стекла. Стало понятно Эйхман перед дорогой домой немного приложился к стакану. После чего был позорно выпровожен из кабинета и ретировался домой. Так постепенно я входил в трудовой

Юрия, что Николай не дает никакой жизни, а потом звон разбившегося стекла. Стало понятно Эйхман

перед дорогой домой немного приложился к стакану. После чего был позорно выпровожен из кабинета

и ретировался домой. Так постепенно я входил в трудовой

коллектив. Районный центр от нашего поселка находился всего в ста двадцати километрах. Добраться было можно только авиацией, обычно на АН – 2 или вертолетом. Летали разные типы вертолетов, от МИ-2, МИ-4 и МИ-8, а позже и МИ-6. Утром я получил в бухгалтерии у Светланы проездные и направился в аэропорт. Все здания в то время в районе тоже были деревянные. В основном одноэтажные, кроме аппарата управления, экспедиции и общежитий.

До своего вверенного теперь мне поселка я добрался без приключений. Я пока исполнял обязанности участкового и по возвращению по праву занял в участковом пункте свое место и познакомился с моим

старшим по службе инспектором УР Даниловым Евгением Михайловичем. Красивый мужчина в возрасте около сорока лет, с курчавыми темно – русыми волосами, среднего роста, плотного телосложения. У него

был приятный баритон. Вокальное исполнение им песен просто завораживало меня, да я у наших профессиональных исполнителях подобного голоса не слышал. На лице Михалыча были глубокие складки около губ. Я сразу же подумал, ну вот в нашей работе приходится много говорить, поэтому у меня будут такие – же, и не ошибся. Через много лет они у меня появились. Данилов был веселый, добродушный и по – моему, искренний мужик. В свободное время занимался фотоохотой и показывал мне слайды через кинескоп.

Детей у него не было, супруга тоже добродушная и приветливая. Мой дом стоял по соседству. С ним было легко в месте работать, и я многому ему обязан. Первой задачей ставилось знакомство с поселковым руководством и населением, теперь уже в новом качестве участкового инспектора, который фактически совмещал все службы милиции, да и других органов управления правоохранительной системы. Наш северный поселок располагался на правом берегу, довольно большой реки в трехстах пятидесяти километрах от Обской губы и представлял собой вытянутый на километр прямоугольник с рядами

двухэтажных брусчатых оштукатуренных, двух подъездных домов. С площадью по середине, окруженной – геолого – разведочной конторой, двумя магазинами, хозяйственным слева и продуктовым.

Посередине проходила бетонка, улица – прозванная среди жителей «Бродвеем».

На против площади за бетонкой располагались одноэтажные; столовая и административное здание, в которое входила по порядку от столовой – сберкасса, сельсовет и на конец мой кабинет милиции. За ручьем, где располагалась лодочная станция, находился старый поселок с жилыми балками, пилорамой, метеостанцией РЭБ – флота и старой сталинской метеостанцией, которая была сложена из очень крупных вязов, где в настоящее время располагалась научная лаборатория НИИ, которую возглавлял Крылов.

Старожилы рассказывали, что река в тридцать втором году вообще не замерзала и была судоходна от Губы до районного центра.

Поселок с правой стороны ограничивался по бетонке гостиницей и с левой автотранспортным предприятием с одноэтажной конторой в конце «бродвея» и зданием электроцеха с дизельной установкой. Ближе к берегу от милиции стояло здание котельной и склады экспедиции, а на самом берегу оставались остатки сталинского лагеря для политзаключенных с частично сохранившейся обвалкой, по которой болтались остатки колючей проволоки и стояла ещё и вышка для часового. Описание поселка очень важно т.к. все события будут происходить на этом пятачке. На левом берегу располагалась база Пионерная месторождения «Ягельное» с базой материального снабжения, и в пяти километрах база РЭБ – флота с причалом, кранами и жилыми строениями.

Главным действующим лицом в поселке незримо управлял начальник экспедиции Подшибякин Василий Тихонович. Он редко появлялся в поселке и большее время проводил в своем кабинете, откуда возвращался к себе домой запоздно. Сам Василий Тихонович был около двух метров роста, а лицом был копией немецкого ракетчика Werner von Braun, да и сын его Вячеслав тоже копия этого лица, я бы сказал даже более ярко выраженное. Супруга Тихоновича работала тут же в отделе кадров, очень воспитанная и порядочная женщина, но поговаривали, что давненько бо-

леет по – женски. Подшибякин наверно застудил её таская по экспедициям. Да я сам первую свою супругу тоже застудил уличным туалетом в общежитии. Два года лечилась в Свердловске. Чистоплюйство всегда обходится боком. Никогда себе этого не прощу.

На участкового возлагалась обязанность по регистрации оружия находящегося в обращении

у населения в связи с проводившейся компанией Постановления правительства. Необходимо было

полностью весь арсенал перепроверить, завести картотеку. В дальнейшем незарегистрированное оружие

изъять. Я в течении года провел регистрацию и начал компанию по изъятию незарегистрированного.

Эта же задача была возложена на уголовный розыск. Однажды вечером ко мне зашел небольшого роста

рабочий экспедиции лет под тридцать. Спросил Евгения Михайловича. Пригласив его присесть, спросил, зачем он

ему. Парень ответил, что у него на связи, есть разговор. Данилов как раз улетел в отдел. Спросил

его может он зайдет в следующий раз, но парень сказал, что завтра вылетает в Тазовск, куда его перевели.

В ходе завязавшегося разговора кто где, когда служил и узнав о моем армейском назначении. Сообщил

что он служил в ГРУ, уволился на выслуге лет в звании майора. Я сделал вид, что очень удивлен.

Разговор постепенно зашел на разные темы, кто, что зна-

ет. Узнав, что мне приходится заниматься изъятием незарегистрированного оружия, он тут же выдал до десятка адресов лиц, имеющих нарезное оружие в плоть до фамилий и мест его хранения. В конце беседы он предложил мне выпить, ответил ему что я вообще не пью, тем более при исполнении. Парень так я бы его назвал, выглядел очень молодо, попросил у меня стакан объяснив, что в общаге ему выпить нельзя. Я дал ему стакан. Он выпил пол граненого и стал рассказывать про свою службу. Много что я узнал от него. В ходе разговора стало понятно, что свою специальность разведчика он забыть никогда не сможет. Я даже не узнал его имя, представился только своей кличкой – «Студент, чекист, майор разведки», часа через два мы распрощались и больше его я никогда не видел. Мне так и непонятно было, как этот разведчик держит в памяти столько всей подобной информации и как он ее получил, фактически не общаясь с этими людьми, и главное подробности где, как и где он узнал о местах спрятанного, да и другой подобной информации. На то и разведчик.

Михалыч прилетел из отдела через два дня, я с нетерпением его ожидал. Я начинал обычно работу с десяти часов, так как работал допоздна. Проверка общежитий, мероприятия в клубе и т. д. требовали много времени по вечерам, семья в таких случаях была бы

на втором месте. Данилову я полностью о разговоре и полученных сведениях не рассказал, но предложил продумать и провести несколько операций по изъятию нарезного оружия. Евгений сразу же согласился. Решили в вечернее время провести паспортную проверку по всем местам хранения оружия с прикрытием под случайность и дальнейшего запутывания информатора. Так это мероприятие требовало значительного времени, решили оттянуть на длительный срок. Для первой проверки начали работу с Северной стороны поселка в районе лаборатории контрольно – измерительных приборов, находившуюся напротив научно исследовательского института Кульпина. Руководитель этого филиала был очень интересный человек. Всегда сам возглавлял свою немногочисленную дружину лично. В поселке все организации были разбиты по выходным и будням на дежурство в помощь милиции в поддержании правопорядка. Единственной целью Кульпина было стремление вступить в партию, т.к. без этого ему не защитить диссертацию и в последствии я помог ему вступить в Коммунистическую партию и даже подарил ему обнаруженную рукописную книгу о геологическом исследовании Северных территорий нашей страны с грифом секретно. Издателями были самые главные нефтегазовые столпы в том числе –

Эрвье, Подшибякин В. Т., Черномырдин

и другие. В нашей стране эта книга была даже не издана. Рукописи было всего пять экземплярах по числу издателей, а вот в США по ней уже учились в институтах. Об этом мне рассказал часто заезжавший

ко мне начальник КГБ подполковник Жданов. Очень приятный мужчина, прекрасный собеседник и

всегда с радостью помогал советами по службе. Таких курьезов было много. Вступить в партию, в то время было особенно любому лицу с еврейской национальностью очень непросто. Шла их изоляция

от партийных органов, многие уезжали в Израиль, я считаю хотели искусственно увеличить население

в этой стране. Но я как комсомолец настаивал неоднократно перед секретарем местной ячейки

Анатолием Сергеевичем, совмещавшим эту неоплачиваемую общественную нагрузку с основной.

Мой отец также постоянно совмещал эту обязанность и советовался со мной о выходе из

партии вообще. Я не советовал ему выходить, так как это скажется на моей службе.

При первой же проверке информации все подтвердилось полностью. В холодном коридоре висел

самодельный патронташ со вставками под малокалиберные патроны, несколько пустых гильз валялись на полу и в открытом фанерном шкафу. Попросили паспорт у хозя-

ина и членов семьи.

После чего хозяину было предложено выдать незаконно хранящиеся предметы охоты. Хозяин попытался отпираться, но ему были показаны обнаруженные предметы. Он вновь стал отказываться, типа я не я и лошадь не моя. Я попросил Евгения Михайловича, вынести постановление на возбуждение уголовного дела постановление на обыск. Михалыч тут же достал соответствующие бланки и оформил их. Пригласили в жилище в качестве понятых дружинников, привлеченных к проверке паспортного режима и после предъявления постановления хозяину был проведен формально обыск, хотя нам уже было известно, что винтовка хранится за тем же шкафом. Вытащили ее и предъявили понятым и хозяевам. Винтовка была бельгийского производства полуавтоматическая. Год изготовления меня очень удивил. Это была середина восемнадцатого столетия. Такие винтовки демонстрируют в ковбойских вестернах. Патроны засыпались с приклада и задавливались шомполом в количестве десяти штук.

При стрельбе надо было передергивать скобу, спускового крючка и они через затворную систему поступали прямо в ствол. Те конечно остолбенели и ничего сказать не могли. Спросили, есть ли у Вас еще проживающие. Ответили, что нет. Вручили повестку на следующий день и пошли по другому адресу.

Дом находился недалеко от пункта милиции. Нас интере-

совала квартира на первом этаже. Для

маскировки проверили две смежные квартиры на предмет паспортного режима и затем интересуюмую,

где проживал знакомый мне по буровой Михаил, здоровый, упитанный парень. У него дома была

супруга и в детской кроватке спал малыш. Мишку мы напрямую попросили выдать незаконно хранящуюся

малокалиберную винтовку. Михаил сразу уперся и наотрез отказался о выдаче. Ему объяснили

что его видели с ней жильцы дома, когда он возвращался с охоты. Мишка сказал, ищите, если найдете

будет Ваша. Нам конечно было сильно неудобно, но служба есть служба и сразу приподняли матрас

детской кроватки, где лежала мелкашка «ТОЗ – 8». Мишка испугался, но добровольной выдачи не было и отвечать придется по полной. С этим Мишкой пришлось потом повозиться новому следователю.

Супруга сразу заплакала и стала умолять простить ее мужа. С нами зашли дружинники и отступить было

некуда. Тут же вынесли постановление о возбуждении уголовного дела, составили протокол обнаружения

и допросили дружинников в качестве свидетелей, а Мишке вручили повестку. Время было уже около

десяти часов, вечера и мы покинули квартиру подозреваемого. На эти сутки было достаточно мероприятий и нарушать покой граждан было нельзя. С другими жильцами по-

селка я уже работал

один, кое-кто выдал оружие добровольно, да и слух пошел сразу, никто не сопротивлялся. Короче

оружия у нас собралось уже достаточно. Я достал оружейный железный ящик и готовился в конце

месяца весь хлам вести в район. Останутся только винтовки, проходящие по уголовным делам.

Вскоре с этим оружейным хламом я вылетел в район, сдал свой тяжелый багаж и отдежурив в качестве

помощника дежурного отпросился в отпуск, где собирался жениться. После моего прибытия из

отпуска меня переселили опять в бухенвальд, только другую половину для семейных. Комната была

на втором этаже, маленькая, но как говорится в тесноте да не в обиде. Я приобрел кое-где мебель первой необходимости, диван, стол и стулья. Белье мы с женой привезли с собой. Никаких удобств в этой

половине общежития не было вообще. Кроме общей кухни и холодной воды.

После моего приезда после свадьбы с женой, почтовой корреспонденцией к нам

поступило дело о гласном административном надзоре на гражданина Сухорукова, который

на путь исправления в колонии не встал, а был судим за нанесении тяжких телесных повреж-

дений. Мы с Даниловым призадумались, этого нам еще

не хватало. Действительно в указанное

время прибыл освобожденный под административный надзор Сухоруков. Приняв дело в свое производство Евгений Михайлович ознакомил с условиями пребывания на свободе прибывшего. Устроился он в экспедицию грузчиком т.к. ежедневно должен быть в определенное время в своей комнате и по вечерам ее не покидать. Месяца два все шло нормально, но однажды я обнаружил его

отсутствии в течении нескольких часов, о чем доложил письменно Михалычу и повесткой на

субботу пригласил для выяснения причины нарушения режима пребывания на свободе. Утром

в субботу я пришел в отделение как обычно к десяти часам. Михалыч сидел растрепанный, в

порванной на рукаве рубашке и с покраснением на щеке. Я его спросил, что случилось он мне

рассказал, что Сухоруков пришел после похмелья и на замечание сразу бросился в драку.

По телосложению он был чуть плотнее Данилова и выше. Я выслушал Евгения Михайловича

и сразу направился в общежитие к Сухорукову. Зашел к нему в комнату, начал его будить,

но он и на меня полез в драку. Тогда я устроил побоище, навешал ему по животу, скрутил

и приволок в отделение. Сухоруков орал от боли, но я его быстро успокоил. Дал письменное

предупреждение, что если он еще раз допустит нарушение режима пребывания на свободе

сразу отправится под конвоем на зону, а он у меня обязательно его нарушит. Дал ему

условие, либо немедленно увольняешься и вылетаешь на родину, либо тебе все равно придется вернуться на зону. Сухоруков выбрал первое и вечером уже вылетел в район. Михалыч был доволен моей крутостью с поддонком и заулыбался уже на следующий день.

Наступила зима. Зима выдалась холодной по максимуму. У нас сменился начальник ОРСа.

Отдел рабочего снабжения возглавил худой мужик, татарской национальности. В декабре по зимнику на Уралах доставили водку. Ко мне в пункт участкового зашел знакомый водитель Никифоров Вовка, с собой притащил напарника по второй машине. Оба были веселые работающие мужики. С Владимиром я познакомился на лодочной станции еще осенью. Они ещё с одним приятелем на трех Уралах доставили к нам спиртное которое, разгрузили якобы на базе ОРСа. Пообщались, я помог им отовариться в магазине у Светки Мамоновой обратно в дорогу. Увидев, что у меня нет пистолета, пообещали привезти из колонии под Тобольском, мне пистолет зажигалку под ПМ и наручники, откуда с железнодорожных платформ и возили в наш ОРС разную продукцию. Это всё благодаря тому, что СМП – 522, во главе с Горченком Василием Тихоновичем, прибывшее с БАМа, зани-

малось отсыпкой полотна, будущей железной дороги и появилась временная насыпная магистраль, идущая от Тобольска до месторождения «Ягельное», где в будущем будет построен город. Временная автомобильная трасса

После окончания железнодорожной ветки была заброшена, а через десять лет вновь её пришлось

восстанавливать. За долгие года её просто смыло дождём и половодьем. Через месяц они действительно привезли мне хромированные, пистолет – зажигалку и наручники.

Зимой Данилов у меня почему – то ушёл срочно в отпуск. Я был совсем один и справляться с делами

было трудновато. На возбуждал кучу уголовных дел. Шеф мне их подписал, но сильно ругался по неочевидным преступлениям. Я запросил помощи, он обратился в Округ, и начальник ОКРУВД полковник Бикбулатов прислал мне на выручку трех капитанов в вместе с начальником штаба Вавилкиным. Короче собрал всех штабных бездельников и ну их на передовую. Как раз перед этим ко мне заявился новый начальник ОРСа и заявил, что водку, которую доставили из Тобольска мои знакомые, по – замерзала в складе. Температура стояла под сорок и выше. Вместе с ОРСовскими работниками, в том числе замом Веркиной, пошли на склад. Оказалось, что её разместили в новом холодном дощатом складе на базе моего бывшего цеха испытания.

Его построили летом для хранения керна с буровых. Действительно водка по замерзала, но бутылки

ещё сохраняли влагу и не лопнули. Решили изъять ящик для экспертизы, но где её проводить на крепость так и не выяснили. Я попросил вытащить мне ящик с самого низа рядов. Так и сделали. Лучше бы не вытаскивали. Под ним оказалась выпиленной половая доска. Доска была новая, пятерка. Выпил, составлял около полуметра. Я начал выдвигать ящики дальше и тут оказалось, что низ у ящиков повыломан и много бутылок не хватает. Спросил Веркину, – Кто разгружал спиртное? она ответила, – Экспедиционные рабочие, – которых она запросила у Подшибякина. Вот и результат на лицо. Ящик мне доставили в кабинет. Я закрыл его в наш огромный сейф и опечатал. На следующий день и появилась моя помощь.

Доложил Вавилкину так мол и так водку поворовали в складе. Сразу пошли на осмотр места происшествия. Склад был на высоких сваях, на расстоянии полутора метрах от снежного покрова. Кстати снега в начале зимы было мало. Когда его много, то обычно бывает теплее и погода. Осмотрели все снизу под карнизом, и я заметил листок от детского журнала с характерными следами от зубьев ножовки. Неделю назад при обходе не благополучных и злчных мест, я видел детский журнал «Мурзилка» на картофельном ящике семьи Карнаухова, где также проживал их родственник, Фанис Фархутдинов. Часто там появлялись и

другие лица с криминальными наклонностями. Карнаухов имел ранее судимость. Мои капитаны

не обратили внимания на эту бумажку с детской картинкой, мне же стало сразу ясна картинка кражи.

Я высказал свое предположение и обоснование. Капитанам только дай палец, они и руку отхватят.

Вернулись в кабинет, Вавилов сразу меня спросил:

– С кого начнем и кем закончим?

– Да конечно нужно начинать с Фаниса, он моложе и по характеру более словоохотлив, а потом

Карнаухова вытащим, и обыск сразу не отпуская их из кабинета, а вот кем закончим даже не предполагаю.

Так и сделали. Фархутдинов не долго упирался, после того как ему предъявили порванную страницу из журнала, который я непосредственно подумал я ящика у них на квартире со следами от зубьев ножовки.

Затем вытащили на божий свет Карнаухова и других домочадцев. Карнаухов тоже не долго упирался, а когда ему предъявили ту же бумажку и пояснили где её нашли, а также вырезки из допроса Фархутдинова, прикрытые листочками бумаги, тоже поплыл и признался в краже. После чего я только успевал таскать выплывающих из допросов, подозреваемых и свидетелей. За вторую половину дня мне пришлось найти и

доставить около десяти фигурантов и свидетелей. В краже участвовало восемь человек. Некоторые участники за со-

трудничество со следствием перевели в качестве свидетелей. За день мне пришлось доставлять в участок двадцать с лишним человек. Офицеры работали как заведенные. Не зря их ко мне направил Бикбулатов. Они мне помогли выгрести из поселка всю грязь. Вскрыли все мои недоработки. С каждым допросом выяснялись всё новые обстоятельства дела. Поздно вечером прикомандированные

добрались до моего сейфа. Докопались. Почему я не открываю его нижнюю половину. Я же им не говорил, что там у меня хранится. Я долго сопротивлялся, но понял, что они пошатали его и услышали звон бутылок.

Пришлось открыть. А там был целый клад для них. Во – первых – ящик с водкой, которая уже оттаяла и еще увидели коричневый комочек величиной с яйцо. Я думал, они его не заметили, но куда там, опытные

сыщики. Объяснил им, что водка была изъята для экспертизы, так и была обнаружена кража. Товарищи

мне объяснили, что они как раз и есть эксперты и даже показали, как определить ее крепость. Перевернули

бутылки вниз горлышком и поболтали. Со дна должно упасть три капли ровно, значит крепость сорок

градусов. Бутылки все были фабричные. На дне образовывалось свободное пространство достаточное

для падения капель. Действительно падало только две капли, а третья только образовывалась. Один из

капитанов действительно был криминалист. Он сказал,

что сейчас всё проверим, тащи закуски, я дам заключение. Капитаны действительно умели отдохнуть и умели работать. Было достаточно недоработанных

уголовных дел и материалов. Они остались на неделю. Я опять допоздна носился по поселку и таскал людей в кабинет. Товарищи усердно работали и показали невиданную ранее для меня работоспособность.

Всё – таки они молодцы и не зря ели народный хлеб. Хотя один был начальник штаба, другой криминалист-эксперт, а последний завхозьяством ОКРУВД. Водку они конечно выпили за неделю всю, для экспертизы оставили две бутылки и напомнив мне о колобочке в сейфе, спросили где достал. Я знал о происхождении гашиша и его предназначении.

Месяц назад до Вас я получил, для изучения и доработки уголовное дело пятилетней давности, по факту кражи пяти тысяч рублей из сейфа Строительно – монтажного управления. Изучил его и кое-что вспомнил из своего детства. Мой дед Сафонов Григорий Сергеевич, после войны постоянно работал в Заводоуковском леспромхозе и однажды рассказал о происшествии. Пришел он на работу, а там милиция. От них узнал, что ночью обворовали сейф бухгалтерши, в котором хранилось десять тысяч рублей, для зарплаты рабочим. Я даже запомнил фамилию бухгалтера Тоболкина, хотя мне было лет

десять, а тут как раз знакомая фамилия бухгалтера, копия трудовой, где имеется запись о её месте работы.

Как раз Заводоуковский леспромхоз. Я уже хотел писать в дело записку, но тут у меня в общаге бухенвальд,

начались какие-то непонятные брожения. Азартные игры, дебош и т. д. Капитаны прервали меня;

– А причем тут наркота?

– Наберитесь терпения, все впереди – парировал я. Слушайте дальше брехню.

В общем – пошел я туда на разборки. Прихожу, спрашиваю у вахтерши кто тут главный дебошир.

Она назвала по фамилии. Я зашел в комнату номер два, как помню, откуда доносились шумные

голоса. Там сидели человек шесть за столиком. На столе лежали карты и купюры. Купюры я сразу

сгрёб в шапку, они мне пригодятся и одного подвыпившего вытащил за загривок в коридор. Там еще

оставался один с оголенными по локоть рукавами рубашки весь в наколках. Этот что я выволок в

коридор начал было со мной драться, наверно не знал, что у меня сильно развита цевка руки.

Я его придавил клешней к стене за горлышко, и он затих. Затем заломил ручку и повел, но он всю дорогу

брыкался и сопротивлялся. Тащить его волоком пришлось до самого моего кабинета, где и посадил

его своими блестящими зэковскими наручниками, прико-

ваным за обе руки за спиной, да еще и к батарее. Разговаривать с ним было бесполезно, хотел на утро оформить его за сопротивление и оставив одного, ушел домой. Зверинца у меня тогда ещё не было. Только после этого мне его мужики из электроцеха сварили. Мужик, а вернее ещё парень был не дюже слаб, плечи огромные, мускулатура развитая, кривоногий, лицо восточного типа. Утром я пришел проверить его состояние и удивился. Мой задержанный сидел уже разорвав мои кованные наручники в сцепке, оторвавшись от чугунной батареи и окончательно протрезвевший. Спросил его: – «Как ты разжал, вроде ничего близи батареи нет». Задержанный мне поведал, что он часто доставлялся в свое отделение милиции и наручники ему застегивали через голову одну руку, а вторую за спиной. После чего он не мог разогнуть связку колец.

Я его попросил показать, как, а забив цепочку к этому времени застегнул ему наручники вновь.

Он почти заплакал, но я тоже уперся и потребовал рассказать, кто там баламутит народ.

Парень пояснил мне, что мужик с наколками приехал с буровой недавно и завел всех на игру в карты на деньги. Играли они уже неделю в разные партии. Обыграть этого мужика очень трудно, хотя задержанный из 99 партий выигрывал 89,

и что он и у себя славился знатоком и был в авторитете у картежников. Я отпустил этого парня и попросил приглядеть за этим вундеркиндом.

Капитаны опять завоз бухали, но я попросил их набраться терпения. Короче к полудню этот мужик

в наколках явился ко мне в отделение сам. Я не растерялся и завел с ним разговор. Мужчина оказался

нашим из внутренней разведки и велел позвонить по номеру с определенным дополнительным.

Я сходил в экспедицию и связался с областным управлением. Дежурный соединил меня с данным мне

номером. Меня попросили передать сообщение инициатору о немедленном возвращении.

По возвращении в кабинет, явившийся ко мне сообщил, что он из внутренней конторы и разрабатывал

хищение денег как раз из переданного мне уголовного дела, но ничего нового не установил. Была версия,

что кражу совершили картежники, действительно в этот год была мода на азартные игры. Кстати,

парень, которому осуществил привод играл в карты очень виртуозно и из 99 выиграл 89.

Я в свою очередь рассказал, то – что рассказал ранее Вам. Мужчина мне не представлялся, но

узнав от меня наколку, похвалил меня за внимательность к обстановке на участке, новой для него

и важной информации. Попросил ничего своему началь-

ству не сообщать, дело вернуть без обнаружения обстоятельств. Попросил организовать ему заочное увольнение из экспедиции и помочь с вылетом в область. При всем при этом подарил мне этот комок гашиша. Пояснил, чтобы добиться такого состояния анаши, ее долго носят под пяткой.

В конце рассказа, мои слушатели озаграмились и тоже похвалив меня за бдительность, в свою очередь рассказали, что если один раз покурить этой пакости можно обожраться, а потом из туалета не вылезешь, а также язык становится как ботало не завяжешь. Для этого и держал его с собой оперативник. После окончания своей командировки они выпросили у меня этот злополучный кусок для использования в оперативной работе. Всех артистов из погорелого театра оперативная группа вывезла в район, а затем уже должна была вылететь в округ.

Зима была холодной, но к марту отпустила температуру. Утром в десять часов почти вместе со мной пришёл диспетчер КДСП аэропорта Ковальчук и пожаловался, что он хотел отпилить от хранящейся у него в лодочном балке нельмы, кусок для воскресного стола, но в бочке её не оказалось. Спросил его как был открыт балок? Он ответил; – «Фадееч, ну ты же знаешь, как мы закрываем, так на контрольный замок и всё, короче для близира». Пошли на лодочную станцию,

к ней по свежему искрящемуся снежку

подходила совершенно свежая колея протектора грузовой автомашины скорее всего Урала. Ковальчук

сказал, что рыбина была полутораметровая, свернута в ней спиралью, а в бочке хранился остаток около

метра. Подошли к балку, осмотрели и я сразу направился по следам. Они привели меня в автохозяйство.

Дежурный диспетчер на мой вопрос сообщил, что в ночь дежурил водитель, который уже ушел домой.

Дальше искать даже не пришлось долго, нашел я спящим водителя у себя в квартире, на холодном

балконе лежала рыбина. Позвал соседей, изъял рыбину, они действительно подтвердили, что это

нельма. На водилу погрузил эту тяжесть и пешком в отделение под моим сопровождением. На звонок

по телефону прибежал терпила и увидев свою рыбину обрадовался. Больше было бы таких происшествий.

Один час и пропажа найдена. Да! Рыбина была огромная, в брюхе около тридцати сантиметров и от

времени уже пожелтела, была похожа на осетрину. Ну, а водиле корячился срок. За кражу со взломом.

Ранее я уже встречался с ним по мелким правонарушениям. Да вообще в поселке я уже знал многих

по повадкам, наклонностям, да и в лицо, кто и где работает. Ковальчук оказался недогадливым или жадным, хоть бы угостил своим малосолом, за работу в воскресный день.

Службы шла своим чередом. Снег в конце апреля начал потихоньку таять, появилась наледь. Мне нравилось в нашем поселке. Вокруг был лес, только со стороны реки было открытое пространство, но ветер с реки был редко, а в поселке была тишина и безветрие, особенно коротким летом, идёшь по посёлку, снимешь фуражку, даже волосы не пошевелиятся. Вечерами как обычно у меня был обход общежитий. Мужики обычно на отдыхе, занимались всем чем попало, но в общежитиях часто возникали разные нарушения. Дисциплину поддерживали коменданты и вахтеры. Субботу и воскресенье вечерами танцы в клубе, в дневное время киносеансы. Главным на них был киномеханик по совместительству Чесноков, один из старейших водителей автохозяйства экспедиции. Люди говорили, что у него и старого еврея деда Игеля, проживающего в старом поселке, рядом с метеостанцией, даже экспедиция занимала деньги на зарплату в сберкассе, во время непогоды для авиации на длительное время. Последний, имел деревянную длинную лодку, как у ненцев со стационаром и держал буйного быка. Не понятно почему быка, а не корову?

Вёл он уединенный образ жизни, но у него была очень красивая дочка. Я её в видел в посёлке очень редко из – за учёбы в институте.

В весенний день ко мне буквально забежал работник экспедиции проживающий по улице Волынова в доме, расположенном сразу за детским садиком. Увидев знакомого жителя

поселка; – «Что случилось?» – спросил, я. Тот отдышавшись обратился ко мне за помощью. «Ой, меня кажется лишили отпуска, совсем обокрали» и рассказал, что у него в гостях был Витька Плетнев и во время застолья, а мой знакомый собирался в отпуск и в кармане пиджака была крупная сумма, она пропала. Мужчина по национальности был татарин и при этом его акцент стал сильно проявляться. Он несколько раз проверил в шкафу всю одежду и не нашел денег. Я еще раз спросил его, что может он забыл и просто переложил их куда – то? – Да нет же, ты что Фатеич, я же не пьяница, чтобы забыть, для меня так важна эта поездка. – Хорошо пойдем посмотрим, а если Плетень уже ушел! – Нет, нет он не уйдет, я же его закрыл и сказал, что сбегая за водкой к Светке в магазин. Я тогда ему ответил: – «Ты, правильно все сделал, и Витька точно будет тебя ждать и по твоему возвращению будет смотреть в окно, он как раз выходит по ходу в нашу сторону и конечно положит, деньги обратно в карман, вот увидишь. Витька парень был продуманный и наверняка ожидал возвращения Абдулатипова. Действительно, когда мы вошли я сделал вид, что просто задержал хозяина пьяным в магазине так как тот слишком настойчиво требовал спиртного у продавца, а отпуск в таком состоянии запрещен. Ругаясь громко на хозяина квартиры, я подпихнул его в смежную комнату проверить содержимое карманов и тот быстро мне кивнул, что действительно все на месте. Я зашел в кухню, где они квасили. Там действительно сидел Витька

Плетнев. Сделав удивленное лицо, что не ожидал этой встречи удивленно сказал: – «Так, вот для кого старался задержанный. Витька, ты успеваешь побывать везде, где я появлюсь, а может наоборот, намекнул я». – Да нет, случайно пересекаемся. Для виду я ещё поругался, сказал им чтобы завязывали с пьянкой, а то хозяин в отпуск не улетит. Конечно же мы с Витькой друг друга поняли с полуслова в нашем спектакле. После этого я никогда больше не слышал про него, что – ни будь плохого. Витька знал, что у хозяина есть немалые деньги, сам растрепался об отпуске, да и дату фактически назвал, но проводить дознание явно было бесполезно, не на того нарвался, просто бытовая сцена. Если бы Плетень напоил хозяина и тот заснул, пиши пропали денежки. Рядом с метеостанцией и Игелевским домом, торцом стоял старый жилой балок типа ППВТ, где проживал Колька. У него был постоянный шалман из разных опоек. Кольке было лет сорок пять, и он часто оставался из-за своих пьянок без работы. Мне он порядочно надоел, и я попросил начальника РЭБ – флота Кокинова занять этот балок, а Колька пусть ищет другой сам. Кокинов выгнал Кольку из балка, который принадлежал речному флоту и заселил там молодых специалистов, парня и его невесту. Николай давно был уволен за пьянку, хотя был неплохой моторист и занимал служебное жильё, хотя и временное. Через несколько дней я нашел, где живет Колька. Он перебрался в пустующий балок на окраине старого поселка. У нас был пожар, рядом со старым жилищем Коль-

ки из-за самодельного козла, и я часто проверял балки, выбрасывал эти самоделки, составлял протокола за нарушение пожарного режима. Вновь проверил и Кольку. Он как обычно пьянствовал, опять горел для обогрева самодельный нагревательный прибор, я хотел его забрать, но Колька не подпускал меня к нему, я оттолкнул его и тот сел на свой горящий козел. Конечно подгорели штаны, да и заднее место. Однако сам остался живым. Счастье его, что переселился. В начале июня снег растаял, я во второй половине дня был в кабинете и разбирал дела. Смотрю в окно, оно выходило на площадь, в пятидесяти метрах стоял продуктовый магазин ОРСа, ко мне идет с вертикалкой Петя Милуша. Сначала подумал, что собрался его перерегистрировать, но тот вошел в отделение и сразу бросил его ко мне на стол и сказал; – «Все наохотился, застрелил людей». Спросил его: – «Каких людей, кого, где!?!». Петька заревел как баба и стал всхлипывая рассказывать. Он направился в старый поселок, а проживал он по ул. Геологов недалеко от меня, разобраться с Колькой, который ему должен крупную сумму и долг отказывался отдавать. Чем платить Кольке, когда он не работает давно. Стучался, стучался, но тот не открывал, хотя в балке играла музыка и слышен был приглушенный разговор. Не вытерпел, пошел за ружьем. Вернулся, вновь тарабанил в дверь, но никто не открывал и выстрелил два раза, почти дуплетом. Там послушался крик и стон. После чего он кинулся в милицию, сдаваться. Молдаванина Петьку закрыл

в зверинец и побежал в старый поселок, по пути попала водовозка, ГАЗ-51, я остановил машину и доехал до балка, где ранее проживал злополучный должник, а там была полная катастрофа. В разбитое окно была видна лежащая на полу девушка. Весь пах ее был в крови. На ней были трико синего цвета, а в стороне лежал парень из предплечья у него струей хлестала кровь. Я вырвал дверь и с водителем водовозки потащил его к машине, положили его на деревянную полку рядом с бочкой и в кабину затащили девушку. Я встал на подножку и так поехали в больницу. Пытался заткнуть дыру в ключице, но была перебита артерия и кровь хлестала струей под давлением. Я первый раз видел, что из человека кровь может бить фонтаном. Привезли обоих пострадавших в больницу, до нее было метров пятьсот по улицам, но спасти парня уже не удалось, а девушку прооперировала главврач Савицкая. Дробь попала в пах, со стороны правой ножки. Вернувшись в участковый пункт я позвонил в райотдел, доложил о преступлении и попросил направить следователя прокуратуры, так как преступление было очевидное. Когда Петька узнал, что его должник живет давно в другом месте, совсем упал духом и впал в транс. Вскоре прилетел следователь прокуратуры. Началось следствие. Петьке свободы не видать, оставил из-за денег свою семью. Пока супруги не было я частенько ходил питаться в столовую и как – то раз мужики на улице мне пожаловались, что порции сильно уменьшились. Котлеты стали меньше на треть, а в первых

блюдах мяса вообще не найдешь. Я сразу же решил проверить эту информацию и произвел вместе с мужиками контрольную закупку. Закупив полный комплект, все выставили за столик и пригласили заведующую столовой, народу было мало, покупали в последнюю очередь. Попросили контрольные весы. Взвесив мясные вложения и отразив в протоколе их вес, я потребовал бракеражный журнал. Девчата сначала опешили, откуда я мол знаю про таковой и книгу норм выкладки. Оценка в журнале конечно была завышена, вес мясных вложений не соответствовал нормам. Отразив все это я с контрольными покупателями удалился к себе в участок. Зная, что к весне продукты становятся у нас дефицитом, дождался вечера и перед закрытием навестил запасный выход из столовой и конечно, все сразу вылезло наружу. Работников я доставил в участок и составил соответствующие протоколы о хищении. Чеков женщины конечно не имели. После этого Нинка кассирша при моем расчете за питание в обед денег с меня не брала. Я подавал ей железный рубль, она возвращала сдачу бумажным. В столовой порции значительно увеличились. Ну кто будет работать в столовой или в ресторане, чтобы ничего не прибрать домой. В советское время несунны были всегда и почти везде. Ледоход около поселка прошел и где -то застрял. Вода за ночь поднялась и весь поселок затопило. Хорошо, что все здания стояли на деревянных сваях в метре от земли и пол затопило только в столовой, она стояла ниже других строений. Вода стояла неделю. Все

гоняли по улицам прямо от своих домов на моторках по реке, лесу и ближним протокам, малой и большой Ходырке. Очень интересно кататься по лесу. Лодка раздвигала деревья, некоторые лодочники даже потеряли моторы, забыв их как следует закрепить их на корме и привязать страховочным тросиком. К концу недели наводнение спало, и река почти встала в свои берега. Молодежь высыпала из общежитий на прогулку. Повсюду валялись принесенные водой деревья, но зато песок был промыт от мазута даже в транспортном цехе АТП. Вечером я как обычно был в клубе для порядка на танцах. Около восьми часов вечера завклубом, Бурлакова Елена Ефимовна позвала меня к телефону, объяснив, что звонок с районного отдела. Зашел в кабинет, где собирался художественный коллектив, взял трубку телефона. Доложил о себе. Говорил начальник райотдела полковник Хорошилов Владимир Георгиевич: – «Саша с утра выезжай в Самбург. У Мамонова кража из склада, а у него какие – то семейные проблемы, обо всем узнаешь примешь меры и доложишь, кражу надо постараться раскрыть, если -что конвой вышлю, сам немедленно возвращайся обратно. Заедь на подбазу экспедиции. У тебя там есть отдельное поручение. С собой возьми общественника, будет легче в дороге». Есть, понял-что я мог еще сказать. Трудна ноша, но прогулка не помешает. Да и товарища по службе надо выручать. Тут я уже сказал Елене Ефимовне – ну все, сегодня завтра на танцах – баланцах придется справиться самой со своим супругом, да и не в пер-

вой поди – ка. Елена Ефимовна еще та штучка. Со своим супругом на пару прошла всю войну. Оба имеют боевые награды. Объяснив завклубом ситуацию, я пошел готовиться к командировке. Надо было зайти к Егору Короткову, моему другу и помощнику в поездках. Егор был дома со своей супругой и детьми. У него было два мальчика. Сказал ему – что есть необходимость выезда в Самбург. До которого было триста с лишним километров. С работой я тебе улажу. Позвоню начальнику СМУ Уманскому. Егор работал на пилораме и столярке. Договорившись о времени выезда я направился домой. В то время я жил от Егорки через дом, оба дома были расположены вблизи лодочной станции, если ее можно было так назвать. Это было самовольное временное место на берегу ручья, впадающего в реку. На берегах ручья и реки подтаскивали лодочные балки, сколоченные из досок в наклад, чтобы не продувало и не промокало от осадков. Размерами под лодку или просто под инвентарь и бочки под бензин. К балкам привязывали лодки, моторы всегда снимали и затаскивали в балки. Ну, а кто ленился снять – то рисковали имуществом и как правило были моими клиентами, ну почет и уважение для меня если я находил пропажи. От моего дома, стоявшего на крайней черте поселка, до берега было метров двести.

Встали с Егоркой мы рано, взяли с собой нехитрую снедь. С питанием в поселке было не важно, доступна была – тушенка, если достанешь колбаса, сало, ну и все. Картошки

и зимой-то не было, а к весне и совсем. Если разве сухая картошка как сейчас «чипсы», только в советском исполнении. Но мы на это внимания не обращали, просто было привычно. Зато хлеб у нас пекарня делала прекрасный. Девки там работали почти голые только в фартуках, работу начинали рано, пекарня была небольшая, работу начинали в три часа ночи. Полной обстановки в пекарне я не знал и попал. Постучался в служебную дверь, мне открыли, пока стоял в прихожей, где стояла мука в мешках, все было нормально. Девки крикнули, заходи не бойся, выходи не плачь. Зашел я попросить хлеба и обомлел увидев такое богатство, остолбенел это было мало сказано. Бабы прокричали; – милиционерик пришел и кинулись на меня. Хорошо у меня была прекрасная реакция, кинул деньги, схватил булку хлеба и успел драпануть, а то моему суровому имиджу пришлось бы сильно пострадать. У нас быстро бы все это превратилось в анекдот, не отмыться потом от позора. Надо сказать, красавицы были знатные, как я успел заметить и формы были пышные, только потные. Девушки кричали; – «Куда ты, трус, иди сюда», – но я драпал уже далеко. Вовремя унести ноги надо тоже уметь. Больше в пекарню даже в крайней нужде я не заходил, хотя с моим режимом работы приходилось часто оставлять семью даже без хлеба.

Егор, уже укрепил мой мотор «Нептун» на корму лодки, прикрепил рулевое крепление

Лодка у меня была «Прогресс» казенная с откидным вер-

хом, брезент которого я перешил сам на материал из бур – укрытия, т.к. он давно обветшал и было довольно некомфортно. Сиденья поставил от списанного

Камаза. Потом вообще сделал из алюминия превосходную кабину с люком от той же машины, с катодотиками и фарой – прожектором. Ну а в эту поездку обошлись тем, что было. Егор положил еще и свой мотор такой же на всякий случай. Я сильно не противился. Он у него был надежней. При ремонте мотора «Нептун» по началу я и познакомился с Коротковым. Мне его посоветовали на лодочной станции ещё раньше наши мужики. Егор спросил: – «Взял – ли я хлеба у его жены?». Сказал ему что видел его Вальку, чтоб она была неладна, сам ее спросишь, как – нибудь. Не хотелось ему рассказывать, а то еще будет всю дорогу смеяться. они же чуть не раздели меня. Побежал бы без штанов домой, а бежать от пекарни до дому было порядочно, почти через весь поселок. Егор был похож на настоящего казака; – Выющие темные волосы, усы, настоящий атаман «Бурнаш» небезызвестного фильма.

Целый час мы затратили на сборы, заливку бензина в баки, один был от Зилка, на шестьдесят литров, второй лодочный на двадцать. Наконец мы отвалили. У Егора было ружьишко. Одностволка шестнадцатого калибра, довольно старенькое, но исправное сам проверял, когда ставил на учет. Это было обязательно.

Ранее ружья вообще не регистрировали, был полный бар-

дак. Кто хотел тот и тащил с большой земли что ни попадя, ну да это отдельная история. Идти по реке нам было далеко и нудно. Вышли мы уже около пяти часов утра. Было еще холодно и туманно. Обстановку на реке еще не выставили. Наводнение еще не спало.

Река была очень широкая до полутора, двух километров в ширину в разных местах. Глубина довольно большая, течение очень быстрое, так что до места назначения мы должны были дойти за часа четыре, от силы пять. Рыбы еще нет и ловить нечего, а рыба на нашей реке это все. Такой вкуснятины, скажу, вы не ели и непривычны к ней, а когда попробуете – то с Севера никогда уехать не захочется. Многие жители уезжали,

но потом старались вернуться.

Через полчаса хода туман рассеялся. Перед лодкой раскинулось широкое русло реки, невозможно было определить даже забереги, просто очень чистая гладь и таящая дымка очертаний берегов. Все было бы хорошо, но трудно было определить даже само направление. Фактически шли по интуиции в примерном направлении. К берегам стараясь не прижиматься. Было рискованно нарваться на пливун. Через полчаса мы прошли второй сор, где обычно в летнее время рыбаки сетями ловили щук, бывало очень крупных, ещё через два часа прошли Профсоюзную протоку, очень крупную с множеством ответвлений, где запутаться было очень легко,

со множеством островов заросших лесом и кустарником. Через три часа мы дошли до подбазовской протоки и повернув в лево вышли к первому пункту назначения. Причалили к берегу, где стояло несколько лодок и катер. На берегу буквально в пятидесяти метрах стояло одноэтажное здание конторы, там же располагалось общежитие и столовая. Было около девяти часов утра. Мне нужен был начальник базы Головенко. Зимой, водитель заправлявшийся на подбазе, рассказал интересную историю про Головенко. Однажды к ним заехал на Кразе шофер с Ягельного и спросил, у кого можно спросить разрешение на заправку соляркой, так как застрял на зимнике, и горючка кончилась. Доехал по зимнику только на резервной канистре. Ему попался один известный юморист и посоветовал обратиться к начальнику подбазы; -«Вон видишь, маленький плотный мужик со шлангом в руках. Подойди к нему и попроси, зовут его Чомбе. Действительно Головенко был черен лицом, имел круглое южное лицо. Шофер и направился к нему поздоровался и спросил; – «Товарищ Чомбе, можно у Вас заправиться соляркой?». О своей кличке товарищ Чомбе конечно знал, страшно её не любил и сразу пустился на мужика со своим шлангом. Отхлестал его по спине, а когда разобрался в чем дело, досталось и шутнику. Водитель, хотя и был не наш, был заправлен и Головенко извинился перед ним. Все бы хорошо, но шланг в руках у него был постоянно.

Работа на Севере не сахар, особенно зимой, рабочие частенько его не слушались и приходилось применять не только брань, но и другие приемы управления. Я конечно понимал всё, но зашел к Головенко, поздоровался, он обрадовался, что наконец – то власть пожаловала. Попросил его предоставить мне одного алиментщика по которому было отдельное поручение с «Большой земли» и попросил накормить меня с помощником. Беседу отложил на всякий случай. До девяти часов как раз столовая работала. Начальник проводил нас и попросил поваров накормить гостей. Кормили в столовых и на буровых очень вкусно и сытно. Котлеты из говядины с ладонь, жаркое из оленины с ребрышками, закуска из салата, компот или кисель и даже самодельное пиво – напоминавшее по мутности бражку. Наелись мы хорошо. Даже жалко было беседовать с Головенко, о произошедшем зимой. Допросил алиментщика, где мужик пояснил, что просто он полгода не был в конторе, денег ему не насчитывали поэтому и не отправлял алименты. Заявление о перечислении с адресом он в конторе оставлял. Головенко пообещал исправить положение, сразу вызвал бухгалтера – расчетчика и проблема была фактически решена. Когда лишние вышли из кабинета я предъявил свои претензии и провел вежливо профилактическую беседу. Сказал Головенко, что это происшествие известно не только мне, но и обросло слухами и ходит анекдотом по всему Северу, и как- бы не стало

известно прокуратуре. Вы думаете, что возымело действие. Головенко хоть и был заслуженным работником экспедиции, но почувствовал себя героем за что в будущем поплатился. Егор после столовой сразу ушёл на берег к лодке, я вышел из кабинета в коридор и обомлел. Навстречу мне вышла красавица, с туманными глазами полными любви, в обнимку с молодым парнем, сексапильным красивым лицом кавказской внешности. Сразу узнал эту плутовку. Зимой сгорел жилой балок, где находишь все члены ее семьи; супруг и трое маленьких детей. Возгорание произошло из-за самодельной плитки, называемой на севере козлом. Это устройство представляло собой конструкцию – сваренную из тонкого уголка на длинных ножках, двух силикатных жаропрочных кирпичей с вырезанными в них канавками на фрезерном станке и уложенной спирали из навитой самими нихромом. Дефицита такого материала у нас не было. Так отапливались все жилые балки типа ППВТ-8 и даже балки – бочки. Хозяйка в это время была на работе и дежурила на заправке на другом конце поселка. Происшествие расследовала целая комиссия, но пришла к выводу, что на открытый козел во время сна семьи свалилось постельное белье или просто его случайно уронили дети, когда ночью вставали в туалет или по другим нуждам. Я же высказывал другую версию, противоположную основной, а связанную с умышленным поджогом. Были определенные сомнения на основе слухов

о неверности супруги, но доказательств у меня не было, а сплетники от показаний отказались. В возбуждении дела следователем прокуратуры было отказано, за отсутствием в событии состава преступления. Почему я настаивал на возбуждении, так после можно было написать представление вплоть до верхов о запрете эксплуатации самодельных нагревательных приборов в полевых условиях и выпуске безопасных образцов на промышленной основе. Освоение Севера требовало жертв и велось любыми непродуманными способами. При проверке жилых балков – вагончиков на предмет пожарной безопасности их просто ломали. Холод, не обустроенность, заставляли людей вновь идти на риск. На берегу навстречу попался Саша Момонов, водитель АТП. Он хотел поехать с нами на обратном пути. Свою машину он ремонтировал после зимника на базе и оставлял на консервации. Мы с Егором были не против. Сразу бы взяли с собой, но не знали, как управимся в Самбурге. Отчалили и пошли дальше. Через два с половиной часа, мы наконец закончили свое путешествие. На берегу поселка нам встретились местные мальчишки. Ненцы вообще приветливый народ и добродушный. Этот народ как бы чувствует от кого – что ожидать. В форме ты или нет, какие у тебя намерения. Егор остался у лодки. Я направился в участок. Николай Иванович Мамонов был у себя в кабинете и стоял у окна со свежеструганной березовой палкой

в виде посоха. Поприветствовав друг друга и поговорив, о том о сем, я попросил его материалы по краже из совхозного амбара. По материалам кража произошла до схода снега. Спросил Мамонова: – " Повторный осмотр после схода снега делал? » – Николай Иванович ответил, что не было необходимости, постановление о возбуждении уголовного дела не выносил, поэтому повторный осмотр не назначал. – Ладно, Николай Иванович, давай выноси постановление о возбуждении уголовно дела и назначай повторный осмотр места происшествия, ищи понятых и будем делать повторный осмотр, а я зайду к председателю Сельского Совета и представлюсь ». Николай Иванович сел за печатную машинки, а я пошел к председателю, администрация которого находилась в этом же здания с фасада. Зашел к Бутылкину, тезке Мамонова. Он уже ждал. Поздоровались. Я представился он поприветствовав меня, сказал: – «Наслышан, наслышан, как же ты управляешься один с таким большим населением?! » – да как, кручусь, молодость города берет. Спросил; – «как дела в хозяйстве, почему спиртного не дают, как зарабатывают ненцы, чем можно разжиться в деревне, пояснил, что хотел достать рога олени. Бутылкин тут же ответил; – " Работать с местными вообще – то нетрудно, но любят выпить. В хозяйственном всю чиколонку (тройной одеколон) выпили, сейчас все из тундры прибыли в поселок кроме оленеводов. Пушнины настреляли мало. Год был холодный.

Зато песцов много. Оленей еще не забивали. Так что рога только старые на крыше совхоза хранятся, а одному уже рога наставили. Если хочешь поинтересоваться, то лучше у внештатника Тараса. Он почти все знает, к стати он же кладовщик и начальник горюче-смазочных материалов, если надо он и заправит. Меня очень интересовало сколько получают в совхозе ненцы, спросил об этом Бутылкина и очень удивился его ответом. Оказывается, ненцы на Крайнем Севере как местные, получают в среднем около восьмидесяти рублей без северной надбавки. Для меня это был шок. Как можно проживать на такие деньги. Вот почему уменьшается поголовье стад оленей да всего остального. Почему процветает пьянство. Рассказав председателю о целях своего визита, направился к Тарасу домой, благо председатель позвонил ему и тот жил рядом. Да там все рядом и контора совхоза, магазин через теплотрассу, идущую поверх земли, а иначе нельзя, при аварии не добраться. Зашел к Тарасу он ждал и уже оделся. Хотел с ним побеседовать о Мамонове, но решил, что контакта с ним еще не имею. Пошли в участок постановления Мамонов вынес, все было готово к осмотру места происшествия. Пошли к складу. Склад был построен скорее всего еще до революции из бревен пихты. Иваныч показал основу фундамента, вырубка торцового слоя подгнила и была сколота. Поэтому лежащее на ней бревно шаталось. Тарас взял у Мамонова из рук его

посох и упершись отодвинул бревно, получилась щель. Я заглянул под нее и отодвинул еще немного. Получился достаточный проем для лаза. В это время собралась толпа местных. Впереди стояла молодежь. С наружи смещенного бревна кое-что валялось. Я ахнул, крикнул что – бы всем слышно – вот, это находка, – Обращаясь к собравшимся сказал: – " Чья паторга?» (на ненецком языке паспорт). Один парень сразу схватился за нагрудный карман, а одет был в темно синей осенней куртке, с алюминиевыми пуговицами, с характерным рисунком в мелкую чешую и нижней пуговицы не хватало. Ясно, что он ее оборвал залезая в проем. Нука, нука, иди ка сюда – сразу позвал его, чтобы он не успел прийти в себя и задал вопрос, – Где твоя пуговка от куртки? – парень растерялся и проглотил видимо язык. – Так, чем выламывали бревно, – спросил его. – Пешней, ответил он, с кем с Мишкой Пяком, – ответил он – А, ну-ка тащи сюда этот ледоруб, да побыстрей. Подозвал ближе понятых, среди которых был Тарас и показал затертую в грязи злополучную пуговицу от куртки: – Ну все товарищи, можете расходиться обращаясь к толпе: – Концерт по заявкам закончен. Толпа недовольно развернулась, по причине быстрого окончания осмотра и удалилась. Николая Ивановича я попросил сходить с подозреваемым, принести пешню, да и сразу прихватить отсутствовавшего на месте второго соучастника. Хотя я был уверен, что эти двое были не последние, кто лазил в дырку.

Украли ведь два ящика спирта. Пить, разбавив можно довольно долго, что и происходило на самом деле. Тот Мамонов привозил десяток протоколов за появление в нетрезвом виде в общественных местах поселка. Был еще один отказной материал, один молодой парень, пьяный уснул со старухой ненкой под шестьдесят лет, задохнулся рвотными массами, а та в свою очередь заглотила у него не то что надо на закуску и тоже уснув получила асфикцию. В кабинете написали протокол осмотра. Подошел участковый с подозреваемыми, приволокли пешню. Все расписались в протоколе, в том числе и виновники. Это фактически означало, их признание в содеянном. Мне не было необходимости вмешиваться непосредственные следственные действия, поэтому попросил Мамонова самому допрашивать подозреваемых и свидетелей. Искать остатки от бутылок спирта и приобщения к делу, а также организовать на месте фотографирование места происшествия и проникновение, назначения выборочной инвентаризации в складе и т. д. Сам напросился в гости к Тарасу, который понял, что я хочу поинтересоваться истиной картиной в поселке. Дома Тарас угостил малосолом, налил сто грамм хохляцкой самогонки. Я поинтересовался у него, в ходе завязавшейся беседы о Мамонове Н. И. Он не знал, что я не в курсе. Я видел, что Николай какой-то подавленный и ходит с посохом. Тарас мне поведал все что знал. Лет восемь назад он служил в районном отделе

начальником паспортного стола. Однажды к нему пришла восемнадцатилетняя девушка для получения паспорта. Эта девица запала ему в душу, и он влюбился. В это время ему было уже около сорока лет. Росточка он был невеликого, около ста шестидесяти пяти сантиметров, сухощавый, да и не красавец. Решил он эту девушку любым способом добиться. Сначала сказала ей придите через месяц. Потом опять стал тянуть резину разными причинами; Бланки кончились, работы много извините готовлюсь к отчёту. Девушка жила в общежитии и родственников в районе у неё не было. Так прошло около года, а Николай Иванович все не выдавал ей паспорт. Потом пригласил её сходить с ним в кино. Клуб был рядом с отделом. Потом попросил его проводить до общяги. Пытался ее поцеловать, но девушка была непреклонна. Когда в следующий раз она пришла в паспортный стол, и он ей отказал, она решила идти жаловаться к начальнику райотдела. Он сказал ей подойти к обеду в здание райисполкома и там торжественно вручат паспорт по случаю совершеннолетия. Девушка была очень скромная так и сделала. Пришла в райисполком, Мамонов был уже в парадной форме и ждал у открытых дверей кабинета. Девушка не видела, что было написано на обратной её стороне. Получив приглашение прошла в кабинет торжественно обставленный, что очень её удивило, но она не придавала этому значения и поплатилась своей свободой. Знакомая заведующая ЗАГСом, прочитала ей

положенную по закону речь, поздравила и вручила паспорт. Девушка обрадовалась и пошла к себе. Просмотрев паспорт она увидела штамп о том, что она зарегистрирована за Мамоновым Николаем Ивановичем. Впала в транс, а очухавшись, на следующее утро, побежала по инстанциям, но сделать уже ничего не смогла. Хотела развестись, но хитрый Мамонов с начала уехал в отпуск, а прибыв из него, развода не давал. Помучавшись ещё год после многочисленных ухаживаний и подарков, согласилась жить с ним вместе и ещё через год полковник Хорошилов, перевёл Мамонова в Самбург участковым, где семья получила служебную квартиру. Через несколько лет у них уже было двое мальчиков погодков. Нынче из мест заключения прибыл один мужик, немного старше её и у них закрутилась любовь. До поры, до времени они скрывали свои отношения, но потом совсем обнаглели и тот стал жить в служебной квартире участкового. Первый раз, когда их застал Мамонов у себя дома, зэк лежал на его жене и пытался того стащить со словами: - " Это моя законная жена», но Люська лягнула Иваныча и крикнула! – «Не мешай у меня оргазм». После этого Николай Иванович ходит постоянно с посохом, сам видел. Отгоняет сожителя от жены палкой, но ничего сделать не может, сам спит в кабинете. Да, это было конец всему, но сожителя можно выгнать вообще из поселка, все же квартира служебная. Ладно, Тарас пойдем, я хотел бы посмотреть поселок. Тарас предложил пройти

на ферму, там был коровник и песцовая, где выращивали черных и голубых песцов. В коровнике работала супруга Тараса. Она предложила попробовать сливки. Налила стакан мне, я еле его выпил. Больше таких сливок я нигде не пробовал. Это были настоящие сливки, почти как сгущенка только без сахара. Налила еще в литровую банку и подала мне. Посмотрели песцов. Это были крупные особи, откормленные, не то что дикие в природе. Пошли обратно. Я всем интересовался и узнал от Тараса, что оленьи рога совхоз заготавливает и их продают в Японию. Там из них делают лекарство типа пантокрин, я еще тогда не придавал значению каких-либо лекарств. Хотя в райотделе у нас работал ОБХСник старший лейтенант, он был очень опытный работник и потом я редко встречал таких ментов. Он показывал мне отрезок рога марала. Его прислали родственники. Попросил его отрезать кусочек, но он не согласился. Пантокрин является естественным средством увеличения потенции, как он рассказывал. Тарас, мне ещё надо проверить хранение оружия в совхозе; – «Да какой базар, зайдем и проверим». Зашли по пути в контору, директор был на месте, открыл оружейку, всё проверили: оружие было почищено, в основном были мелкашки, карточки заместители на месте, боеприпасы в сохранности. Оружейка в полном порядке, закрывалась на две решетчатые двери, запоры соответствовали проведенной паспортизации объекта. Составили акт проверки, расписались все и пошли

в кабинет к участковому. Егор тоже присутствовал на месте. Я попросил Тараса добавить в баки горючего, нам в пятнадцать часов надо было выезжать. Днем уже стало довольно жарко. Тарас рассказал, что до революции здесь всем управлял купец Шейнин с казаками. Они служили, вместо пограничников, и таможни. Склад – барак который мы осматривали, был построен как раз казаками. Материал пихту привозили ненцы на санях. Шейнин обеспечивал ненцев провиантом, а те привозили ему профилакторий оленину, шкуры, рога. Всем этим и торговал Шейнин с иностранными купцами, которые на кораблях прямо из губы приплывали торговать с ним. Шейнин имел несметные богатства. Сразу после революции прихватив самое необходимое бежал с приезжими купцами за границу. Ценности зарыл на горе, так её и прозвали в его честь. Клад пытались искать, но безуспешно. Да и часть горы обвалилась в реку. Образовался большущий обрыв. Действительно обрыв и гора была хорошо видна и пляжа перед поселком, а в самой горе при советской власти был устроен естественный холодильник. Хранили запасы рыбы для выращиваемого зверья и населения, а летом сливки, которые доставлялись в школы-интернаты для детей попутным транспортом, водным или воздушным. Егор с Тарасом ушли, задержанные сидели в изоляторе типа открытого зверинца. Я попросил Николая Ивановича сообщить по рации шефу и спросил шефа на мой отъезд.

Хорошилов был доволен, что мы за несколько часов управились с проблемами, велел оставить задержанных под охраной Мамонова и общественника. Завтра вертолетом отправит Федю Шарипова за задержанными и пришлет следователя. Мне разрешили ретироваться, так как у самого в на участке конь не валялся. Побеседовал с Николаем Ивановичем и слегка затронул его проблему с жильем. Предложил пойти и просто выкинуть подлеца, да и увезти его с собой. По дороге высажу как пирата на глухом острове там и сдохнет. Иваныч струсил и не согласился. Сказал, что пойдет на пенсию и уедет на Родину к соей матери. Отдельная история расскажу, как –нибудь позже. На этом и попрощались. На берегу Коротков возился с горючкой. Снял китель, рубашка была на мне безрукавка. Передел обувь, сменив на болотники хромовые сапоги. Нагнулся к воде помыть руки. На безрукавке карман был без клапана, а... на берегу рядом стояли мужики – ненцы. Вообще такой народ – совершенно наивный и добродушный, а главное добросовестный и умный посвоему. Мы отчалили, включили задний ход и развернувшись, погнали на подбазу. Обратный путь нам показался долгим, да и скорость против течения упала. Часа через три мы достигли подбазы, забрали Сашку Мамонова и двинулись дальше. В лодке мы говорили только по необходимости, было шумновато от мотора. Часа через три мы уже устали и остановились по правой стороне реки на излучине, где образовался полуостров у какой-

то узкой протоки. Деревья уже распустились. У нас это происходит буквально за день. Только потеплеет и всё, сразу – лето. Полуостров был высокий над уровнем воды, хотя она ещё не спала, но в русло почти вошла. Разожгли кострище, у Саньки была с собой картошка, взял на подбазе домой обрадовать жену, а Светка у него была блатная, завпродмагом единственного магазина в поселке геологов. Хотели приготовить печёную картошку прямо в углях. Из еды была только булка – серого. Санька поехал с Егором поставить на всякий случай сетку в этой протоке. Мы понимали, что в такую воду ничего не поймаешь, но вдруг. Егор хотел подстрелить утку, вдруг на удачу, что-нибудь выгорит. Я валялся у костра. Уже вечеряло и стало прохладно. Сушил отпотевшие болотники и носки. Вскоре услышал выстрел и через минут тридцать появился Егор. Он шел уже пешком по берегу ручья, продираясь сквозь кусты ивняка. В руке тащил большую жирную серую утку – селезня. Мы обципали и тут же распотрошили. Повесили тушиться прямо над костром в дыму, насадив на толстую ветку ивняка. Вернулся Александр, бросив якорь на берег, поднялся к костру. Все расположились у костра. Егор рассказывал, как однажды тоже ездил на рыбалку и был на ненецком стойбище рыбаков. Потом, когда возвращался по реке, увидел бревно, плившее по течению. Сначала не обратил внимания, а подплыв на лодке ближе, сразу и не понял. Кинул якорь на бревно и заглушил мотор

на лодке, но бревно и лодку потащило вверх по реке. Завел мотор, потащил бревно к берегу и увидел, как огромный осетр метнулся на поверхности воды и стал отчаянно сопротивляться лодке, чуть не перевернул её. Егор вытащил ружье и выстрелил в осетра, но рыбина сорвалась с кукана и была такова. Егор понял, что ненцы посадили осетра на кукан привязав к бревну и надеялись оставить его до зимы, но не рассчитали его силу. Утка долго доходила на дыму и разговоры продолжались. Я спросил Егора подымался ли он по подбазовской протоке, тот ответил, что не приходилось, а я один подымался по ней. Самое удивительное, что через километров десять если идти вверх по правой стороне в середине высоченного берега лежит огромное дерево по виду как бы вяз, в основании с деревенский дом, длиной примерно метров двести, а на конце пальмовые ветви. Никогда даже на картинках ничего подобного не видел. Всегда думал, как были доставлены вязы в 1932 году на строительства старой метеостанции при Сталине. Сейчас там располагается лаборатория Крылова. По всей видимости, политические зэки нашли, где-то подобное дерево, но еще даже не окаменевшее. С большой земли вряд ли потащили бы такие бревна даже баржей. Егор удивился, как быстро мы нашли ворюшек в поселке, прошло ведь порядочное время кражи. Я пояснил ему, что тут все просто; – «Кража была, когда снег еще таял, поэтому нужен был

повторный осмотр и осмотр места происшествия делается всегда очень внимательно и не для галочки. При любых видах происшествий осмотр места события прежде всего». Прошел один час, я предложил съездить проверить сетку. Санька пояснил, что сразу увидите через метров пятьсот поплавки. Егор прихватил свою одностволку, и мы на лодке поплыли к месту установки сетки. Егорка сидел за рулем, а я глазел по сторонам. Протока была узкая. Всего – то, наверное, метров шесть в ширину. С левого берега протоки шел крутой заберег. С другой пологий, поросший кустарником и березняком. Мы уже увидели сеть, она перекрывала всю протоку. Поплавки были из пенопласта и прекрасно были видны издали, но не один из них не шевелился. Рыбы не было. На пологом берегу, в метрах пятнадцати, я увидел нечто озадачившее меня, дернул Егора за плечо и показал рукой в направлении мелкого кустарника за которым стоял лось. Егор прошептал; – Да это же лесной олень. – А я подумал, что лось, вон какой здоровый. – Ты что рога не видишь? Егор причалил к берегу, схватил ружье, один патрон и на ходу заряжая, бросился к кустам, чтобы спрятаться и выстрелить. Я сказал ему; – «Может не надо стрелять, смотри какой красивый здоровенный олень, не то – что у ненцев домашние». Но куда там, у Егора проснулся азарт охотника, и он выстрелил в оленя. Олень споткнулся, упал на переднее колено, но вскочил и стал уходить, продираясь сквозь заросли кустов и березняка.

Егор крикнул что – бы я тащил ему патрон. Все патроны у Егора хранились в черном, блестящем портфеле, в лодке. Я побежал к лодке, принес ему патрон, какой попало, так как они лежали в сумке навалом. Егор перезарядил ружье, догнав оленя на выстрел, вновь прицелился и выстрелил, но олень продолжал движение, стараясь скрыться. Егор опять крикнул мне – тащи патрон. Я вновь побежал к лодке, и опять схватив патрон побежал к Егору. Он вновь побежал к удаляющему оленю, вновь выстрелил, но олень продолжал уходить. Так я бегал за патронами раз семь, восемь. Наконец олень упал и захрапел в судорогах. Егор тут вытащил из ножен охотничий нож и стал свежевать зверя. Подрезал на копытах шкуру, распорол всё до брюха и вывалил требуху. Я принес из лодки брезентовые мешки, которые мы всегда возили на всякий случай. Расфасовал все, даже требуху распределил на троих. Со всеми делами он управился за час. Мне достались еще и рога, которые мне не удалось взять в Самбурге. Утащили добычу в лодку. Поехали к сетке. Сняли, рыбы конечно не было. Поплыли к стоянке. Санька уже волновался и сразу нас стал спрашивать, что за стрельбу мы там устроили. Когда мы ему поведали о стрельбе, все сильно смеялись, как я таскал патроны Егору. Утка к нашему приезду уже хорошо закоптилась, печеная картошка тоже дошла на углях. Плохо было без соли, но мы посыпали пеплом и всё съели с аппетитом. Было очень вкусно. К тому времени уже стемнело. Мы отдыхали,

лежа на свежей травке и рассматривали звезды и летающие спутники. Время быстро бежало было около десяти часов. Видно было, как на реке выставляли бакены, и мы решили ехать в ночь. Да и оставалось, не больше ста километров. Затушив костер, мы отчалили от своего бивака. К часу ночи мы добрались до поселка. Разгрузившись, разошлись по домам. После поездки вся мая одежда была грязной. Уснул я быстро, как убитый. В пять утра послышался стук в дверь. Супруга открыла дверь, послышался чей-то знакомый голос. Жена разбудила меня. Я поднялся и увидел наставника речфлота, Виталия Лузаненко. Виталий с порога заявил, что на базе «Пионерная» убили крановщика и угнали катер «Ярославец». Виталия я знал с самого начала обоснования на левом берегу базы месторождения «Ягельное», сам до армии работал на нефтегазовой скважине Р-42, расположенной фактически на месте обоснования нового поселка с аналогичным названием. Пока я одевался в оставшееся чистым после поездки, попросил супругу набрать по телефону отдел. Из форменной одежды чистой были белая рубашка да плащ – пальто. На улице разнепогодилось, было пасмурно, моросил дождик и порывистый ветер. Связи с районом не было. Личного оружия у меня, как и Николая Мамонова не было. При Советской власти его старались не выдавать, может правильно с одной стороны, но по положению были обязаны. Посоветовавшись с Виталием, решили сразу идти в старый

поселок, где у метеостанции речфлота пришвартовался катер. По дороге Лузаненко в кратце рассказал, что с субботы на воскресенье состоялась свадьба, женился один из крановщиков. Пришедшего из армии брата Лузаненко, Анатолия на торжество не пригласили. Он повидимому притащился без приглашения, уже изрядно выпивший и на свадьбу и товарищ жениха, бывший шафером, его не пустил. После чего Анатолий сбегал на катер, на котором и работал, взял ружье, принадлежавшее члену команды Буторину, вернулся и в ссоре выстрелил в шафера. Тот скончался на месте. Заряд выпущенный с небольшого расстояния попал в жизненно важный орган. На свадьбе, которая проходила в столовой началась паника. Анатолий убежал на пристань, где стоял катер, запустил двигатель и угнал его. Но не зная русла реки, а она между берегами, где и находились поселки наискось друг от друга была шириной не менее трех, четырех километров, посадил катер на мель. В этом месте река намыла остров. На нем обычно жители купались в летнее время, а пока не спало наводнение, находился под водой. Виталий сказал: – «Анатолий, кажется рехнулся разумом или просто крыша поехала». Мы подошли к метеостанции. Это было одноэтажное деревянное, оштукатуренное здание типа барака. Действительно с этого высокого берега было видно катер «Ярославец», белого цвета, принадлежность которого обозначала, представителя командного состава речного флота. В бинокль видно

было, что по палубе ходил с ружьем угонщик. Сразу пошли в здание, я намеревался по радиации соединиться с районом. После долгих попыток мне это удалось. Сообщил дежурному по отделу внутренних дел о преступлении. Попросил в оказании помощи, так как у меня даже оружия не имеется, кроме изъятого гражданского. Примерно через час, уже было начало семи утра. Вновь связался с отделом. Соединили с начальном райотдела. Шеф попросил рассказать о произошедшем подробнее. Всё, что мне было известно я повторил Хорошилову Владимиру Георгиевичу. Он спросил; – «Выезжал ли я на место преступления», ответил, что пока не было возможности. Шеф объяснил, что группа в полном вооружении готова, но нет погоды, будет заказывать санрейс и как будет возможность группа захвата прибывает вертолетом, прямо в старый поселок. Я спросил могу ли я в крайнем случае задействовать имеющийся арсенал гражданского оружия, изъятого у населения и пояснил, что у меня нет возможности оградить от преступника проезжавших мимо лодочников, а тот время от времени постреливает. Шеф дал указание, не штурмовать катер до прибытия группы по возможности. Мы с Виталием спустились к берегу и по трапу поднялись на катер подобному описанному, только обычного серого корабельного цвета, которым командовал капитан Дудник. Он был около ста восьмидесяти пяти роста, с мужественным лицом, нос слегка с горбинкой, волосы прямые русые

с залысынами. Переговорив ещё раз, о возможных действиях с нашей стороны и посоветовавшись, я предложил проверить психическое состояние Анатолия. Сходить в свой кабинет, взять мелкашку и выстрелить по рубке корабля. На предмет реакции со стороны преступника. Сбегал в участковый пункт милиции, позвонил домой председателю Совета Анатолию Сергеевичу и сообщил о случившемся. Взял из оружейного сейфа малокалиберную винтовку «Белка» без приклада, сгоревшего во время лесного пожара, но в полном соответствии, технически – исправной. Несколько патронов от нее и побегал в старый поселок, до него было метров восемьсот. Вновь поднялся на катер. «Ярославец» во время войны выполнял боевые функции сторожевика, по охране береговых инфраструктур, а в настоящее время используемого гражданским флотом. До флагманского катера было метров семьсот. Анатолий стоял с лева от рубки и пил из горлышка шампанское, которого в трюме было достаточно. Катер хотели во время свадьбы использовать, как свадебный кортеж. Зарядив «Белку» малокалиберным патроном, второй нижний ствол был тридцать второго калибра, он мне был не нужен, прицелился в правую сторону рубки, выстрелил. Видно было, что Анатолий испугавшись, метнулся за рубку. Стало понятно, что он не дурак и с ума не сошел. Просто находится в пьяном угаре и куражится, сошедший с ума даже бы не шелохнулся. – Всё капитаны, запускайте дизельную установку и плывем

на левый берег, надо принять охранные меры вокруг угонщика. Минут через тридцать мы дошли до причала левого берега. На берегу стояла небольшая толпа. Среди которых, были состоявшие в дружине Шамкин и Лабин, два сапога пара. Надо отметить любители выпить особенно на халяву. Только я сошел на берег, оба были тут как тут около меня. Знали, что на угнанном катере спиртное было чем опохмелиться. На свадьбе, конечно своего не упустили. Сразу поступило от них несколько предложений по захвату корабля. Мне при шлось их резко осадить. Для начала Вам необходимо проветриться. Заводите свои моторки и держась от катера метров на двести не подпускайте ни одной лодки. Не забудьте надеть повязки дружинников. Накануне я выдавал Вам с золотой вязью. Шамкин и Лабин были рады получить задание по такому боевому случаю. Мне даже не пришлось каго-то уговаривать, а вот с капитанами речного флота мне пришлось долго повозиться, чтобы они дали согласие на abordаж. Почему боялись Анатолия Лузаненко!?. Мне было в общем – то понятно. Люди судили по мне. Да именно все знали, что я служил в спецвойсках ВВ МВД. Жители знали и видели, насколько решителен лично я, как я применяю приемы рукопашного боя, как расправляюсь с наглецами. Не мало сыграла роль с роспуском мною слухов о жестокости приемов борьбы с преступностью и мне достаточно было что-то сказать пресекающее и тут же все прекращалось или попадешь

в участок и там мало не покажется. Мне было сложно поддерживать порядок с населением десять тысяч человек. Поэтому приходилось иногда играть на публику. При доставлении в участок проводить демонстрацию правил приемов, распускать слухи, используя случаи обнаружения трупов на реке. Отпускать нарушителей после наказания из участка, ну, а те уж распускали слухи сами в своих рассказах слушателям. Поэтому Лузаненко Виталий считал, что Анатолий служивший в ВВ сержантом и получивший «Краповый берет» настолько опасен, что лучше держаться подальше. Наверное, это правильно но лучше ставить иногда себя на место опасной ситуации. Как можно унижать человека, прошедшего армию, тем более имеющего в своем подчинении целый взвод. Это уже люди, прошедшие школу для взрослых. Армия не может терпеть никаких унижений. Как – так брат идет на свадьбу, а своего брата не пригласил. Я немного съязвил конечно, но если разобраться – то в этом есть здравый смысл. В общем мне довольно долго пришлось убеждать своих капитанов начать действовать. Всё изменилось после обеда. Нам было не до обеда. О еде просто никто не думал. К двенадцати часам я решил появиться в участковом пункте милиции. Когда я там появился, то несказанно обрадовался. Федя Шарипов, сержант занимавший пост инспектора разрешительной системы, попутной лошадью уже с задержанными прилетел в поселок. Оба сидели

закрытые в моем КПЗ, если так назвать сваренный зверинец, а Федя сидел за рабочим местом Данилова Евгения Михайловича, он же инспектор уголовного розыска и улыбался своими черными нечищеными зубами. По братски, мы обнялись, поздаровкались и пистолет уже был в моих руках. Федька заругался, как так, это что такое. «Не ругайся, Федя сейчас всё уладим. Ты в курсе, что у меня произошло! Сейчас позвоню начальнику, и если он даст добро, то пистолет мне сейчас очень нужен только вместе с кобурой». Я набрал район и Хорошилов как всегда был на месте, связь к этому времени уже действовала. Я доложил ему о текущем моменте и приезде конвоя из Самбурга. Спросил разрешения взять ПМ у Шарипова и сказал, что задержанные сидят в клетке под замком. Хорошилов велел дать трубку Шарипову.

Получив команду Федя подал мне кобуру. Спросил его, хочет ли он кушать. Федя с радостью кивнул.

Сказал ему чтобы он сходил в столовую, поел и что-нибудь взял арестованным. Федор он же Фанис через

полчаса вернулся из столовой, я ждал его прихода, надо было его расспросить, почему не выходит

мой старший опер Евгений Михайлович Данилов. Я знал его как очень культурного, приличного человека.

Очень добродушного, приятной внешности человека. Грамотного работника милиции. Он был плотного телосложения, лицом характерным для воронежской внешности,

темно – русыми, курчавыми волосами.

постоянно улыбающимся. У него был очень приятный ба-
ритон, и он прекрасно пел. Из досуга в основном занимался
фотоохотой. У него были прекрасные слайды о природе Се-
вера. Спросил Федора: – «Где же

мой Данилов». Федя даже оторопел; – «Да ты что ничего
не знаешь!?» Я мотнул головой, и он рассказал

мне. Охотинспектор, Мишка Беседин где – то нарыл
на Михалыча компру. Будто бы тот где-то изьял шкурки
соболей и присвоил их. «Никогда бы не подумал на Дани-
лова на такую выходку» – ответил я. Мишка Беседин

всегда сотрудничал со мной. Мы часто с ним бывали
на проверках. Тоже изымали всякую дрянь. Было
дело он при мне плохо отзывался о Михалыче, но я поду-
мать не мог, чтобы до этого всё дошло. После чего

я на Мишку тоже обиделся. Вся эта котовасия с Данило-
вым и Бесединым меня возмутила. Вскоре мне

представилась возможность разобраться с этой ситуацией
и невольно отомстить все Мишке. Кстати у него

браконьерами было прострелено одно легкое. Ладно, Фе-
дя, спасибо за информацию, но мне придется
вмешаться в твою службу.

– Это каким образом.

– А вот вернусь с террористом тогда и узнаешь.

Федор дернул плечом, оскалился в своей улыбке и сказал,
посмотрим, многозначительно.

Было уже около двух часов дня, и я поспешил на берег к катеру Дудника. Катер стоял с командой из двух капитанов в ожидании дальнейших событий. Поднявшись по трапу, я предложил капитанам обсудить наши действия при возможном штурме. Оружие штатное у нас теперь имеется, но каковы будут ответные действия пирата. Виталий, взвесив возможности своего брата, высказал мнение, что у захватчика сторожевика имеется возможность из клемм аккумулятора сделать пули для ружья и неизвестно есть у него другое оружие. Патроны у Буторина были только на мелкую дичь и их немного, где-то пол патронташа. Однако Анатолий стреляет иногда. Сопротивляться он будет, пока есть выпивка.

Я объяснил, что при штурме мы находимся почти в полной безопасности. Железо катера составляет толщиной до пяти миллиметров, пробить его даже медной пулей невозможно с любого расстояния.

Стекла рубки разбить конечно возможно, даже дробью, но Вам и не надо в них особо выглядывать.

Мои собеседники всё же не хотели лезть на рожон. Я еще раз объяснил. Видите, сколько народу вместе с Шамкиным и Лабиным желают принять в штурме. Кровь у них так и играет переполненная адреналином. Виталий был как-никак ответственен за брата и был согласен, но Дудник рисковать

не хотел. Все эти разговоры продолжались до пятнадцати и часов. К этому времени распогодилось.

Стало гораздо теплее. Похолодание было вызвано скорее всего вскрытием Обской губы. Следовательно

через дня три, четыре уровень в реке начнет падать. Можно будет открывать сезон купания. Мне,

в конец надоело это совещание, приказал капитану-наставнику стать к штурвалу и начать сближение

с флагманским катером. Подняли якорь и задним ходом отошли наконец от берега. Я проверил оружие

дослал патрон в патронник, проверил наличие патронов в магазине. Снял плащ-пальто. Подплыли метров

на сто пятьдесят. Дудник и Виталий присели, была картина «Никто не хотел умирать». Я от этого юмора в душе по-смеивался. К нашему катеру приблизились на своих мотор-

ках Шамкин и Лабин. Похмелье у них

видно было, прошло. Спросили, ну что будем брать. Крикнул им, чтобы они подошли к захваченному

катеру с левой стороны по ходу и когда мы подойдем, я буду выстрелами отвлекать Анатолия с правого борта, а Вы

забросите кошки для швартовки лодок на леера, быстро ска-

рабкаетесь на палубу со стороны рубки и под её прикрытием спуститесь в носовой люк, куда я выстрелами постараюсь загнать преступника.

Повторил еще раз наши совместные действия и уточнив, что мужикам всё понятно, а они мне повторили

свои действия. Еще раз повторил им, что они должны взобраться на катер в тот момент, когда наш катер будет на расстоянии пяти, десяти метров от борта захваченного. Моя задача была в это время приблизить наш катер за минуту до абордажа лодками, чтобы я успел перескочить на другую палубу.

Шамкин и Лабин наконец отвалили от борта катера Дудника и когда они скрылись за катером

Анатолия на значительное расстояние, чтобы не привлечь к себе внимание, мы начали движение хода своего катера носом к захваченному. Мне пришлось переместиться из рубки и встать между вентиляционными трубами дизельного отсека. Наш катер подходил немного под углом и промежуток

между трубами сужался. Было примерно, как раз в полтора человека. Было уже метров двадцать до

катера Анатолия, который стоял у открытой двери в нижнюю носовую каюту и держал одностволку

наизготовку. Наш борт приближался всё ближе и ближе, видно было, что Лузаненко Анатолий ищет

меня глазами на катере, и обнаружив между трубами выстрелил, дробь простучала по трубам над

моей фуражкой, но не причинила никакого вреда. Я выстрелил в вверх и крикнул Лузаненко бросить

оружие, но тот попытался переломить ружье и перезарядить. В это время Шамкин и Лабин уже забросили

свои кошки на захватываемый катер. Шамкин прямо за рубкой, а Лабин, около кормы с той же стороны.

Наш катер уже в плотную ткнулся носом в борт штурмуемого между носом и рубкой, я с волнения

передернул затворную раму пистолета и один патрон улетел на палубу, Анатолий уже подставлял патрон

к патроннику ружья, я выстрелил ещё раз в верх, опять передернул раму пистолета, от испуга Анатолий

рванулся в проем двери с ружьем уже заряженным. Я прицелился ему в задницу и выстрелил. Было видно

как пуля звякнула о внутреннюю обшивку трапа входного проема. Я понял, что наверняка промазал.

Ружье у убегающего встало поперек проема двери и выпало из рук, а преступник кубарем от шока свалился

вниз по железному крутому трапу в каюту. Я заметил, как Шамкин прыгнул в люк каюты, который распо-

логался в носовой части корабля примерно посередине, но ближе к носу. Мне надо было спешить как

можно быстрее. Лабин тоже уже подбежал к двери каюты, но я перепрыгнув через леера тоже вперед

его прорвался к двери и по трапу спустился моментально в низ. Анатолий в это время отбив горлышко

бутылки от шампанского уже успел располосовать щеку Шамкину, я сразу перехватил его правую руку

размахнувшись в мою сторону и на узком пространстве завернув ее бросил его через бедро на палубу

каюты, горлышко при этом выпало из его руки, выхватил из-за пояса наручники и завернув руки за спину надел их. Напряжение как-то сразу спало, и все радостно потащили по трапу из каюты Лузаненко на верхнюю палубу, где на ней и положили задержанного. Шамкин спросил меня можно ли ему спуститься обратно в каюту. Я понял, что ему надо. Конечно же Шампанского, либо чего покрепче. Они с Лабиным быстрее чем при задержании спустились в каюту, а задержанный лежал близи леера левого борта у рубки.

Я повернулся и перешел на правую сторону катера для того чтобы собрать свои целые патроны. Пока нашел патроны, Шамкин уже с бутылкой шампанского, вылез из люка, а преступник поднялся с палубы и со связанными руками наручниками, перевалился через леер и упал в воду, пытавшись утопиться.

Катер сидел на мели и воды на затонувшем острове, было всего по грудь. Лузаненко двинулся на глубину.

Я крикнул алкашам, быстро прыгайте и как хотите, тащите хулигана обратно. Шамкин прыгнул в воду вниз головой, а подоспевший, Лабин – солдатиком. Настигнув Анатолия, который уже зашел глубины до шеи, схватили его и потащили обратно. Я кинул им конец железной цепи леера в виде цепи. Они привязали этой цепью вновь пойманного за руки и забравшись на палубу вытащили из воды Анатолия.

Так и оставили задержанного всего мокрого связанным и лежащим на палубе. Шамкин со своим другом пили шампанское. Виталий отсчитывал своего брательника. Я пошел посмотреть, куда я попал пулей и как так я промазал хотя стреляю неплохо. Оказывается, выстрел опоздал на долю секунды за задницей этого поросенка и прошел на уровне его таза, врезался в рифленое железо, оставив небольшую вмятину. Саму пулю видимо разрушило до мелких осколков, остатков найдено мною не было. Очухавшись от задержания, задержанного перетащили на катер Дудника и поплыли на правый берег, где и начали свою операцию, а там уже, на высоком берегу стояла группа захвата. Во главе начальника розыска капитаном Анатолием Андреевичем Гопкало. Вооруженная по полному боевому. С автоматами, бронежилетами и касками.

Следователь Труу Эдуард с опером Юрием Эйхманом направились вниз на катер, для проведения первичных следственных действий на угнанный катер и левый берег базы «Пионерная», для сбора свидетельских показаний, а мы с Гопкало Анатолием и задержанным в участковый пункт милиции.

Следователь прокуратуры с группой не прибыл т.к. находился в отпуске. Федор Шарипов находился со своими конвоируемыми ещё в участке. Я вернул ему пистолет с кобурой, поблагодарил за оказанную помощь. Отправил его поужинать в столовую вместе

с Анатолием Гопкало. Со мной оставался еще один работник РОВД, кто именно я уже не помню, если и помню, то просто упоминать его не обязательно.

Я тоже решил сходить в столовую и накормить, Шариповских конвоируемых. Навстречу мне попались поварихи вышкомонтажников, Танька и Валька. Увидев меня тут же решили съязвить: – «О, смотри-ка наш участковый совсем отошал, дома – то, наверно не кормят, в столовую направился». Я ответил тем же самым:

– «Смотри – ка какие плюшки пошли, на речку, наверно топиться, что никто замуж не берет». Девчонки не обиделись, шутки были обычные и потопали дальше. Танюха была мне знакома по работе на буровой ещё до армии. Однажды заходила ко мне в кабинет опорного пункта поболтать о событиях на буровой.

Одета была в блузку с декольте и все время старалась показать свои пышные груди и на мое замечание не соблазнять меня не реагировала. Подошла к моему столу и прижала моё лицо к сладко пахнущим достопримечательностям. Татьяна была настолько сексапильна, что мне ничего не оставалось делать с

её наглостью и уже нельзя было опозориться. Просто вся задрожала как в ознобе, и я был уже бессилён сопротивляться. Хорошо, что никто не зашел в это время на участок. Зато потом я узнал много интересного из жизни буровиков. После встречи с девушками я напра-

вился в столовку, а купив продуктов арестованным

увидел еще одну красавицу у которой всё лицо было в веснушках. Следом за мной шла Наташка, в будущем жена моего милиционера Волкова, а за ней шел бык. Единственное в поселке животное. Завидев девушку во всём красном; красное пальто из блестящей искусственной пленки, такие же сапожки чулки подбежал к ней и

поддел рогами за это пальто, перевернул Наташку к верху ногами и брякнул о бетонку. Наташка поднялась,

ей стало неловко за свою беспечность, и побежала в сторону от быка. Мне пришлось отогнать быка, пинком

в огромный зад, жаль руки были заняты, получил бы у меня за невезучую Наташку.

Вернулись из столовой наши работники. Задержанный попросился в туалет. Я надел ему свои

блестящие хромированные наручники на одну руку и на свою. Туалет был на улице позади здания столовой.

Деревянный, довольно просторный, обычный деревенский туалет. С этим туалетом еще будут неприятные

события. Только мы повернули за наше здание, как навстречу нам двинулся здоровенный, Игелевский

бык. В черно-белую раскраску, он любил гоняться за непонравившимися ему личностями. Обычно одетыми

в яркие цвета одежды. Бык побежал прямо на Лузаненко, тот сильно испугался, присел и свободной левой

рукой стал хватать закаменевшую пыль из песка и бросать

в глаза быку. Я зная повадки быка, просто стукнул его в лоб и он сразу отскочил и пошел в сторону старого поселка, откуда мы недавно вернулись. Это еще раз подтверждало, что с психикой у задержанного всё в порядке. Экспертиза не потребуется. Хотя

в таких преступлениях, она проводилась в обязательном порядке. Лузаненко идти в туалет после этого расхотел. Мы благополучно вернулись в участок. К восьми часам вечера вернулась оперативная группа с базы Пионерная. Собранных первичных материалов было достаточно, а вместе с нашими допросами можно было передавать по подследственности в прокуратуру. Анатолий Гопкало позвонил в отдел, доложил о завершении первоначальных следственных действий. Шеф сказал, что самолет уже вылетел за группой. Попросил к телефону меня. Спросил, чем ещё помочь.

Летом мне направили задание от отдела УВД Облисполкома о проверке и даче характеристики на граждан Шамкина и Лабина участников задержания убийцы на катере. В связи с установлением правительственной медали за «охрану общественного порядка». Я отправил соответствующий ответ, но кто-то отправил ответ и о том, что эти лица склонны к употреблению спиртных напитков и в награде отказали, я считаю очень неосмотрительно со стороны рецензирова. На фронте люди всегда выпивали сто грамм наркомовский

и награды получали. Пошли бы на верную смерть просто так. Вот так, опять хрен от Советской власти. После этого поступил подобный запрос на представление к «Герою Соцтруда», мастера буровиков Глебова. Я также отправил положительный отзыв, хотя его молодая супруга занималась мелкой спекуляцией парфюмерией. Тем более до армии я работал в его бригаде от цеха газового хозяйства Артамонова и хорошо знал, как у нас делают героев. Им в первую очередь поставляют необходимые материалы и продукты, а другие живут в проголодь, как рассказывал в шутку уже один начальник в дружине. Я должен был в конце месяца по графику отбыть в отпуск на большую землю и попросил оставить Федю Шарипова на это время за меня. Шеф дал добро и попросил передать трубку ему. Федор с неохотой взял трубку и получив приказ, сел в освободившееся кресло Данилова. Автохозяйство прислало по моей просьбе вахтовку на базе Урала, и вся группа вместе с задержанными выехала в аэропорт, в том числе и конвоируемые ненцами. Кабинет наш сразу освободился, стало больше места. Я поздравил Федора с исполняющим обязанности участкового инспектора, тот не растерялся и парировал, ну ты же мои исполнял. Действительно прошлым летом мне пришлось проверять склады взрывчатых материалов и приборов сейсмиков на основе изотопов, при этом не зная прямого влияния радиации на человека, по – моему получил дозу т.к. часто стало иногда ломить кости, как будто бы при костном туберкулезе. При-

боры сейсмиков находились в трубах, помещенных в землю на глубину шести и более метров, их подымали на проволоке к которым они были привязаны, а мне надо было убедиться в их наличии. Федя скорее всего знал, чем это грозит и отказался приезжать из-за этого к нам в поселок. По характеру он был покладистый и не без иронии, но в силу своей национальности немного хитроват и довольно веселый. По росту он был около ста семидесяти двух, трех сантиметров роста, как и я, только плотного телосложения и всегда прищуривался на правый глаз. Прическу он носил прямую, волосы черные, лицо круглое отличие от моего. Я определил его в общежитие, позвонил коменданту Зое Александровне домой. Очень строгая была женщина, с волевым характером. Ранее до армии я проживал в третьем общежитии и в свободное время писал портреты на ватмане в черно-белом изображении и повесил на стенку. Просто прикрепив иголками, так она меня отругала и перед армией переселила в «Бухенвальд». Так называли это общежитие, где жили разные буровики и подсобные рабочие, ну и конечно ремонт его давно не производился, было довольно неприличное зрелище. Дежурные все же поддерживали порядок, мыли и убирались даже после пьянок. Я тогда не полагал, что комендант обо всем докладывала заму по быту Николаеву. Лето этого года оказалось богатым на разные события в выходные дни вообще отдых буровиков. К середине июля наводнение спало. Установилось жаркое лето. Все отдыхали на острове по-

среди реки прямо напротив поселка. Приходилось купаться самому и присматривать за отдыхающими. Началось все с пожилой женщины, работающей в геологии. Она превосходно плавала, долго лежала на спине и вдруг, кто-то крикнул – она не дышит. Я не поверил и подплыл к ней. Действительно женщина не дышала. Мужики ее сплавом до толкали до берега. Вызвали врача, дежурным был Сергей Васильевич Царегородцев. Очень грамотный хирург широкой квалификации. Одному буровику собрал раздробленную кисть в мелкие осколки на буровой автоматическим ключом, так называемым сокращенно АКБ. Он как-то рассказывал, что их обучали собирать разбитый глиняный горшок в черном мешке. Царегородцев сообщил, что смерть наступила от переохлаждения в результате остановки сердца, поэтому в легких остался кислород, и она не утонула. За июль месяц было обнаружено несколько утопленников. Только была одна беда, что по закону требовалось вскрытие, если нет заявления родственников об отказе от него. Лодочники нашли недалеко от поселка всплывший труп женщины, вскрывать Серега отказался. Вытаскивать на берег нельзя, труп сразу разложится. Я поехал на лодке и алюминиевым проводом просто привязал труп за кол к берегу. Вызвал судмедэксперта из округа и как обычно на этом успокоился. Эксперт прибыл только через десять дней. За это время ко мне приходили человек пять и лежит труп привязанный за горло к берегу. Я стал уже в шутку отвечать, что повесил еще зи-

мой на проволоке преступника, а он только сейчас всплыл, я и перекинул проволоку на берег к колу. Я всегда делал физиономию очень серьезного работника правоохранительных органов и люди подумали, что я говорю всерьёз. Так и поползли слухи, что участковый из – за отдаленности к поселку преспокойно может расправиться с нарушителем спокойствия. По прибытию мне было необходимо срочно достать этот труп из воды и перевезти в морг. Как раз вышла на дежурство дружина АТП. Я сделал серьёзное выражение лица и сурово им сказал, что у них сегодня легкая работа. Надо из реки достать труп и перевезти в морг. Среди дружины был как всегда Витька Кляйн, фамилия его как раз к нему подходила по всем параметрам. Он заходил ко мне часто и просто так, когда хотелось потрепаться. Тут услышав о трупке Витька возмутился и на отрез отказался от этого мероприятия. Пришлось мне идти на хитрость. Спросил у мужиков хотят ли они выпить, все конечно выразили полное согласие. Я куплю Вам коньяка, если дадите денег и согласитесь вытащить мертвую женщину. Они снова все закричали, ах ещё и женщину, по бутылке на брата. Я не согласился, только бутылку коньяка на троих. Поторговались и мужики дали мне денег. У Светки я по такому случаю приобрел три бутылки дагестанского коньяка и три плитки шоколада «Российский». Принес все это в кабинет, мужики распили одну бутылку, заели шоколадом, и Витька развернув свою тощую грудь стал героем и сказал, всё поехали, я его

без резиновых перчаток достану. Я выдал всем по противогазу на всякий случай. Когда подплыли к месту, запаха вроде не было, но когда подняли тяжеленный труп на нос лодки, да еще пришлось плыть, запах был нестерпимым. Пришлось мужикам натянуть на себя противогазы. На берегу были гуляющие пары молодежи и когда увидели шесть рыл в противогазах на лодке, да еще обнаженную распухшую женщину все бегом с криком ужаса бросились с берега. Машина как раз подошла, и мужики на бур – укрытии перетащили тело в кузов. Я отправил их в морг. Пешком они вернулись очень быстро, но я закрыл свой участок и спрятался в балке у сапожника. Его балок стоял прямо позади администрации. Мужики дернулись, но поняв, что я их надул с коньяком пришли в ужас, а потом рассмеялись до слёз, как я лихо их провел. Долго ругали меня на чем свет стоит. Мы с Мишкой – сапожником тоже смеялись над несчастными. Я ему поведал о происходящем. Шофера уселись на крыльце и весело рассуждали как мне отомстить. Хотели взломать мою дверь, но подумав поняли, что спиртное наверняка Фадеич утащил уже с глаз подальше. Вот черт за наши деньги и за бутылку купил нас дураков. Никогда больше не будем ему помогать, на дороге зимой не подберем и т. д. Смотрю, они поднялись с крыльца и пошли в сторону клуба. По – видимому направились меня искать. Мы с сапожником зашли в кабинет и решили дальше продолжить их разыгрывать. Притащили от Мишки ещё две бутылки, расставили всё на столе, разло-

мали оставшиеся плитки шоколада и стали ждать их возвращения. Не успокоятся ведь, в магазине спиртного им никто не даст. Долго мы сидели и увидели, что несчастные понуро бредут к нам. Прикинулись, что нам весело после выпивки, а пустые бутылки должны были произвести неплохой эффект. Шофера увидев, что кабинет открыт, ринулись толпой наперегонки и чуть не застряли в двери, ворвавшись увидели страшную для них картину Репина «Приплыли». Разъяренные, кинулись к нам и начали трясти. Мы же прикинулись в дупель пьяными. Долго нас тормозили, но ничего не добившись, уселись на стулья и решили закурить прямо в кабинете. Тут, я уже типа очухавшись, заругался. Нельзя в кабинете курить. Мужики закричали; – «А тебе наш коньяк жрать можно, бессовестный, отправил нас всех в морг, а сам решил выпить на халяву». Я засмеялся, достал их две полные бутылки из ящика стола и поставил на стол, отдал их шоколад. Мужики опять опешили, от такого розыгрыша и со словами; – «Ну Фадеич, ну ты подлец, надо же так измываться над честными дружинниками мы по – человечески, а ты нас опозорил, вогнал в краску как лохов развел». Ладно уже, допивайте свое пойло, что не знаете, что я не пью из мелкой посуды. Я спросил Витьку, почему он до сих пор не женат, есть ли у него родственники. Витька сказал, что родители его живы, брат работает в Нефть – Юганске, инженером. Ну, а не женился потому, что ещё не встретил женщины которая бы пришлась по душе. Я ему сказал, завязывай дружбу с бутыл-

кой и переходил на нормальный образ жизни, копи деньги для будущей семьи пока хорошо зарабатываешь. Вдоволь насмеявшись и отдохнув мужики допили коньяк и также со смехом разошлись по своим берлогам. Я направился охранять молодежь в клубе. Обычно летом спиртное завозили «Пьяной баржой». К поселку она подошла с Обской губы в середине июля. Остановилась посередине реки в двухстах метрах. Самоходная баржа представляла собой огромный черного цвета корабль, управляемый одним шкипером. Пришли в участок мои дружинники и сообщили, с самоходки сопровождающая продает спиртное. Обычно лодочники подплывали на моторках к барже и за наличку покупали какое угодно спиртное, в основном борматуху – вино грузинское «Агдам». Напивались и как в следствие начинались разные последствия в плоть, до алкогольного психоза. Как в народе говорят, ловили «Белочку». Возникали разные галлюцинации. Обычно якобы кто-то завет на помощь. Шли на этот зов спасать, тонущего в реке или болоте и с концом. Мне же приходилось их искать, устанавливать, вылавливать. Поэтому необходимо было срочно разбираться с пьяной баржой, да и председатель Совета А. С. Зуйков обещался оказать любую помощь, чтобы прекратить потерю населения от пьянки и наступающих затем похорон. Начал с дружины автохозяйства. Работники занимались ремонтом техники, уборкой территории и на буровые не ходили. Поэтому у них было больше свободного времени, тем более по вечерам. По их

выходу по графику, провел беседу и на завтра запланировали мероприятие по приобретению спиртного с пьяной баржи. Среди пришедших дружинников автохозяинства был Виктор Кляйн, он как никто подходил на роль покупателя, невысокого роста, худенький лет тридцати был завсегдаем в компании выпивох, ему и поручил сыграть роль контрольного покупателя. Эту роль Витька сыграл успешно. В последствии нужно было за документировать их покупки и провести захват персонала баржи, но от этой идеи пришлось отказаться. От доверенных лиц была получена информация, что сопровождающая собирается в контору ОРСа. Пришлось документировать по ходу операции, снимать показания в виде объяснений, изымать спиртное в несколько бутылок разного названия и ждать привилегированную особу, прямо на берегу. Для этого один из лодочников должен был проследит выход дамы с баркаса. Около трех часов я получил сообщение, что материально ответственное лицо покинуло баржу и направляется в контору торгового предприятия. Я с понятиями направился в том же направлении. Пришлось опередить даму и когда она зашла в кабинет к начальнику ОРСа, мы зашли прямо за ней. У женщины, довольно пожилой с виду, полной, можно сказать излишне, в руках был полный по объему портфель. Представил удостоверение и предложил открыть портфель. Женщина отказалась это выполнить. Сообщил, что в случае препятствия к ней будет применена сила. Хотя можно было предположить, что справится с ней будет

трудно, слишком неравный у нас вес. Я взял портфель за ручку и пытался забрать его, но та стала выдергивать его, пришлось закрутить руку за спину и силой вырвать портфель. Понятые ахнули, когда я открыл портфель, он был вплотную набит купюрами разного достоинства. Все это необходимо было задокументировать и пересчитать деньги. На всё это вдвоем с Шариповым ушло четыре часа. Руки были черные у обоих от грязных купюр, и мы порядочно устали. Выручку она частично хотела оприходовать в ОРСе, как сданную продукцию. У меня были другие планы на всё это. Задокументировать покупки спиртного и просто отправить материал в район, куда в основном и доставлялась продукция спирт заводов. Но ничего не вышло, где-то, кто-то проболтался, и экспедитор решила подстраховаться и реализовать выручку заранее. Таким образом свести свое преступление к минимуму, списать на невозможность препятствовать начальству покупателей или на бой вообще. В конторе я потребовал у гражданки паспорт и документы на сопровождении товара. Когда открыл паспорт, не поверил своим глазам. Ей было всего восемнадцать лет от роду. Выглядела она на все пятьдесят. Ну да бог с ней, пусть дальше проверяют её ОБХСники и следователи. Позвонил начальству, доложил о преступлении и что случилось, то и случилось. Хотя планировалось, либо отпустить её на барже до района, либо брать штурмом весь корабль. План я заранее обсудил с инспектором ОБХСС. Очень толковый парень. По наци-

ональности он был по – моему, таджик или казах. Грамотный офицер и главное толковый. Мне в последствии приходилось с ним сталкиваться не раз по разным торговым делам и спекуляциям. Пришлось мне самому доставлять экспедиторшу в райотдел, а денежные средства сдать в местное отделение сбербанка до востребования. Отдежурил за одним в РОВД. Ко мне вышла команда пекарни во главе с Галкой. Очень красивая женщина, с фигурой как на обложках закордонных порно-журналов. Когда у меня не было дружины при дежурстве в райотделе, я звонил Галине, и она собирала свою команду на дежурство, тем более дружинники получали целых три дня, оплачиваемых к ежегодному отпуску, итого получалось сорок восемь. Много было привилегий у дружины в то время. С Галиной мы настолько подружались, что она в конце концов обнаглела. Я удачно спихнул материалы по спекуляции. Не надо было самому возбуждать, допрашивать, проводит следственные мероприятия, передавать по подследственности. Теперь все было в грамотных руках. Полковник пошел домой в девятом часу вечера, дом у него был прямо позади его кабинета. Деревянный, добротный, где и проживал со своей старухой. Увидев в дежурке кучу женщин с повязками «Дружинник», похвалил меня за то – что как не приеду у меня всегда есть помощники. Галина как всегда была весела и в шутку вроде бы сидела у меня на коленях и увидев шефа, спрыгнула с моих колен и страшно смутившись, извинилась перед начальником ми-

лиции. Шеф же махнул рукой и молвил; – «Молодость, есть молодость. Смотри Галина, не доводи офицера моего до греха, он женатый!» Галина в ответ заявила; – «Жена в отпуске, мужик холостой и рассмеялась» Хорошилов погрозил ей пальцем и свалил. Отправив девок вместе с заведующей пекарней Галиной в обход улиц поселка, я остался с Виктором, он же помощник, он же водитель милицейской УАЗки. Позже часам к десяти вечера из поселка геологов позвонила Галина и сообщила, что какой-то пьяный хулиган избил мужика и отнял у него деньги прямо на улице. В отделе в кабинете Эйхмана Юрия между прочим работники РОВД играли в картишки, под запись на шалбаны. Двери были открыты и слышно, как они обсуждали отъезд в отпуск Мамонова Николая, у которого я недавно побывал. Они обиделись на него за -то что тот работая в прямом смысле рыбном месте никогда не привозил в отдел нормальной рыбы, хотя его неоднократно просили старшие работники. Офицерня, долго не рассуждая открыли чемодан отпускника вытащили оттуда завернутую в газету и целлофановый большой мешок большущую копченую осетрину, а вместо неё положили кирпичей. Рыбину Мамонов хотел увезти к себе в деревню матери. Офицеры просто решили наказать Мамонова за его жадность и не уважения к коллективу. Многие хотели бы служить в Самбурге, где год идет за два, да ещё кушать постоянно благородную рыбу с царского стола. В самом районе в то время был язь да щука, вот и всё. Ранее Юра Эйхман уже из-

девался над Мамоновым, после его насильственной женитьбы. Напечатал постановление об аресте Николая Ивановича, приговором суда офицерской чести и расстреле по приказу начальника отдела. Хорошилов обычно доверял своим работникам и все бумаги, и постановления подписывал не глядя. Эйхман и воспользовался этим, да ещё и поставил гербовую печать отдела, находившуюся лично у шефа. После чего в дежурной комнате собрал присутствующих в отделе и зачитал постановление об аресте и Приказ, о расстреле Мамонова, в его присутствии. Ой! что после этого было, Мамонов выхватил бумаги у Юрки сам лично прочитал, разревелся, а юмора он совершенно не понимал и помчался к начальнику. Показал ему бумаги, тот прочитал и сам упал от хохота со стула. Мамонов потребовал отменить приказ в письменном виде и реабилитировать его перед коллективом. Шеф же сделал вывод, что сейчас он напечатает приказ о наказании за подлог Эйхмана, и задержит ему звания капитан милиции. Юрке конечно попало, но он и не расстраивался, подумаешь 10 рублей не прибавят некоторое время в окладу за звание. За пивцом рыбина была тут же съедена присутствующими за игрой в карты. Мамонов утром явившись из гостиницы, где всегда останавливался ничего не подозревая, улетел в отпуск. Я попросил оставшихся в отделе офицеров, которые играли в карты посмотреть за меня в дежурке и вместе с Виктором выехал на место происшествия. Галина с дружинниками и потерпевшим стояла на улице у конторы нефтяни-

ков. Потерпевшего, лицо у которого было в крови, я попросил показать место ограбления. Он повел нас на пустырь. Осветив фарами машины и фонариком, обнаружил действительно место, где все было истоптано ногами, и были видны волочения и борьбы с явными отпечатками тел. Тщательно осмотрев место борьбы, обнаружил перламутровую пуговицу, небольших размеров, явно от рубашки преступника. У терпилы была спортивная куртка с замком. Быстро составил протокол осмотра места происшествия, все присутствующие расписались и прошли по следам, в сторону куда пошел хулиган, она привела к двухэтажному одно-подъездному дому. Было еще десять вечера и мне не составило труда пройти по квартирам жильцов. Один из жильцов показал, что в одной из квартир постоянно слышится в ночное время громко музыка. С двумя дружинницами постучали в указанную квартиру, где и застали двух парней. Один из них был грязный, я попросил документы, хозяин под хмельком предъявил свои, а у другого ничего при себе не оказалось. На рубашке у него не было одной пуговицы. Я вытащил из кармана найденную пуговицу, и в присутствии девушек приложил ее к имевшимся на рубашке, они были идентичны. После чего молодой человек хозяин квартиры были задержаны и препровождены в отдел. Оба гражданина были помещены в камеру до вытрезвления, а утром начались перекрестные допросы, оба долго шли в несознанку, но постепенно путем предъявления друг другу показаний, а затем и сравне-

ния пуговиц оба разговорились и осознали свою вину. Чем закончилось разбирательство по этом факту я не предполагаю, но думаю, что не в пользу потерпевшего. Задержанный оказался сыном второго секретаря райкома. Потом мне это все аукнется, но не очень плохо. Просто ко мне приехали райкомовские только позже я понял зачем и почему. Тогда мне было непонятно, но ко мне зашли первый и второй секретарь райкома. С ними зашел Зуйков и попросил меня приютить гостей у себя. Я просто растерялся и не мог ничего сообразить. Представились мне; Марин был вторым секретарем, а Ругин – третьим секретарем райкома партии. Этот был из ненцев. Достали в наглуую бутылку коньяка попросили стаканы, я им подал стаканчики, предложили мне я конечно сразу отказался, сказал, что не пью. Пили у меня они целую неделю, не выходя из кабинета, тут же спали кто на кровати, кто на диване. Пропили почти все свои деньги. Потом переместились в гостиницу вышкомонтажников. Я покупал им спиртное, а на закуску только кильку. Наконец они прекратили расслабляться и попросили отвезти их в аэропорт. Погоды не было, самолеты не летали. Я сопровождал их до самого конца. Ругин уже был невменяем и в кабинете Куликова стучал по столу и требовал немедленно его самолет. Куликов уже вспотел бегать на верх в КДП и просить район прислать хотя бы санрейс. Наконец самолет прислали часа через четыре. Погрузили мы их двоих и отправили на АН-2 в район. Оба с Куликовы облегченно вздох-

нули. Только потом я узнал, что дело по грабежу каким – то образом закрыли. Зачем прилетали и ничего не просили по делу эти товарищи, или просто побоялись меня. Наверно хотели напоить, но не знали, что я могу выпить только рюмку и то для дела. Спиртное на меня вообще не действовало. Отдежурив и получив устную благодарность, я хотел было быстренько улететь, но не тут-то было. Погода вышла из строя и надолго закрылась небесами. Пришлось помогать после дежурства в отделе. Для начала я выпался в Юркином кабинете на стульях. Кабинет у него был маленький полтора на полтора. Потом сходил, пообедал в столовой около пекарни Гальки – хохлушки. Кстати она здорово похожа певицу Наташку Королеву. Потом ходил по магазинам, в продуктовом наехал на продавца, которая тайком отпускала дефицит с задней двери. Составил протокол, папка с бланками и документами была у меня с собой. Накупил всякого дефицита, вытащив его на прилавок. Тут же набежало РыбКО-Повское начальство, но и им досталось и пошел восвояси. Доложил начальству по факту и опять получил похвалу при личном составе. Шеф тут же выговорил всё, мол, вот как надо работать участковым. Ему уже два раза звонили с райкома о бесчинстве приезжего участкового с похвалой, не зря я ему доверил такой сложный и большой участок. После собрания на совещании Юрка Эйхман, что-то хотел привезти на грузовике домой и вызвал машину. Она подъехала задним бортом прямо к парадному подъезду отдела. Я ему кстати

говорил буквально недавно, зачем он носит свадебное кольцо на руке. По положению в целях безопасности носить его нельзя. Никто не должен знать какое у милиционера семейное положение, да и просто в целях личной безопасности. Юрка запрыгнул в кузов, но что-то забыл и опять спрыгнул, и сильно закричал от боли. Мы стояли на крыльце и сразу ничего не поняли в произошедшем. Оказывается, он пальцем с кольцом, попал в проушину затвора борта и вытащить его уже не мог, и даже обмочился от боли в штаны. Мы подбежали к нему, хотели расстегнуть борт машины и освободить палец, но Юрик ещё больше закричал, так как щель при выдвижении шпингалета начала сужаться. Я крикнул; – «Да, расстегните ему прореху, а то он уже описался, все упали от смеха. Юрка уже за матерился на меня, накаркал с утра насмешник. Кто-то подал пистолет Юрке. На, лучше застрелись от позора, тот и правда уже и плакал, и смеялся сам от боли. Я ему посоветовал сунуть ствол в расщелину запора и таким образом расширить её и освободить пальчик, а он уже смотри-ка посинел. Все опять упали со смеху. Выбежал начальник, увидев у Юрки пистолет, закричал; – «Отставить, не стреляйся, я лучше тебя сам пристрелю». Вновь все присутствующие упали на траву от хохота. Юрка наконец вставил ствол пистолета в расщелину и отжал свой палец. Шеф сказал, что еще никогда не видел, чтобы Советский офицер обмочился. Даже когда меня бандиты в тридцатом, посадили в подпол и хотели расстрелять, я не плакал и не обмочил

штаны. Опять все захохотали. У Юрия действительно обручальное кольцо смялось наполовину, я крикнул ему, чтобы он сел в кабину, так как возжелал ехать к врачу в больницу, которая была рядом с аэропортом и его домом. Я сел вместе с ним, и мы доехали до больницы. У доктора я сообщил, что привез офицера с тяжелым ранением пальца. Доктор посмотрел палец и сообщил, что он тут не причем, раненому, к слесарю. Я повез Юрку обратно в отдел. Там в кочегарке работал БОМЖ по кличке Таракан, он деловито осмотрел палец, зажал кольцо вместе с ним аккуратно в тисках и ножовкой по железу распилит его, а затем разогнул двумя огромными клещами. Юрка при этом уже чуть не падал в обморок. Юрку на машине водитель этого же грузовика увез, как тяжело раненного домой. Таракан тщательно подмел верстак, на котором и обедал, собрал все крупички золота и сказал, что завтра отдаст их Эйхману, а то ещё обвинит в хищение личного имущества и усмехнулся. Я пошел в дежурку. Народ уже собрался и спросили у меня, как все обошлось. Я конечно в красках обо все рассказал. Работы в этот день ни у кого не получилось. Начальник сказал, как поп: – «Ну вот воздалось ему по грехам его, юродивому нашему оперу Юрику, еще долго не видать звездочки на погонах». К вечеру в отделе появился водитель Виктор и сказал, что Галка пригласила меня и его в гости. Галка жила в балке рядом с пекарней и столовой. Я свое ничего из приобретенных яств не брал, так и пошли. Зашли к Галине, там был

полный порядок, стол ломился от закуски и вина. Была даже икра, разная закуска, первое и второе. Мы выпили коньяка, закусили. Мне никак в голову не приходило, глупый еще был в таких делах. Долго сидели, болтали и наконец к двенадцати часам ночи, Галина выгнала Виктора бесцеремонно вон. Хотя он за упирался. Просто подтолкнула его к выходу. Пошла в спальню, постелила за ширмой из сеточки и предложила мне лечь спать. Я не ожидал этого, но подчинился. Разделся и улегся под одеяло. Галя слышно было, как мылась, и вся обнаженная улеглась со мной. Ну, а потом уже поздно было рассуждать, надо было действовать. Да, прекрасная была ночь, а утром распрощавшись я подался в аэропорт. Благополучно пришвартовался к кассе и получив билетик улетел на ЯК – 42. За полчаса был уже в своем аэропорту. Прекрасный самолет ЯК, до сих пор я считаю его лучшим, что было в нашей стране, уж поверьте, на чем и сколько я налетал часов, налет мой не меньше чем у хорошего аса.

Вот так, как говорил мой друг в юности ещё, распечатаешь консервную банку, и ей начинают

пользоваться все остальные. Вскоре мне прислали в помощь по линии уголовного розыска капитана

Иванова Анатолия Демьяновича, этот товарищ, сколько я его помню ни одной бумаги не написал за все

время работы, но зато был всегда весел, улыбался и просил у всех закурить, а курил он скорее всего от безделья при малейшей возможности. Всё равно мне стало легче, можно

было скататься на охоту,

на рыбалку и спина всегда прикрыта в прямом и переносном смысле слова. Он был безвреден, с положительными чертами характера. Немного полноват, но привлекателен для женщин. Было ему около

сорока пяти, или выглядел на эти годы. Нас стало трое, каждый месяц летали по очереди на суточное дежурство в райотдел.

В один прекрасный день на выходные мы с Серёгой Царгородцевым решили съездить на охоту

на уток. В этот год их как никогда много. Недалеко от посёлка вниз по реке на левом берегу была

живописная протока, извилистая и удобная для охоты. Обычно мы подъезжали к берегу и пешком

шли от излучины, осторожно подкрадывались к плавающим уткам и одним выстрелом снимали одну две утки. Так и в этот раз я шёл впереди по лесу и подойдя за поворот увидел несколько уток кормящихся

у берега, подал Серёге знак рукой по – тише подкрадываться и оба прицелились. Выстрелы были удачными

несколько уток мы сразу сняли, вернулись обратно к лодке и подплыв забрали дичь. В этот день сколько мы не ездили больше не одной утки снять не удалось, или раньше подымались или улетали ещё в далеке.

Серая большая утка пошла в кусты и пока сел испражняться, я неожиданно для себя напоролся на него,

и увидев нечто огромное свисающее до земли не выдержал и закричал Серый сзади медведь, серая утка от испуга упала навзничь прямо на спину заругалась страшными словами. Я сразу понял, как он управляется со своей супругой под два метра ростом и о огромным весом. Возвращались мы обратно налегке, добыча была невелика, зато больше Сергей на охоту со мной не ездил, а какой ландшафт, какие виды в этой протоке, просто прекрасная природа Севера ещё лучше она смотрелась на слайдах Евгения Михайловича.

Супруга моя родила, и я отпросился в очередной отпуск. Демьяныч попросил оставить табельное оружие, я сразу напомнил устав. Положено было передать через отдел и по письменному приказу получить его. Решили позвонить начальству. Начальник разрешил оставить им пистолет. Я предупредил, что кобура у меня личная и не оставляю ее. У Шарипова имеется обычная кобура, переделанная в оперативную. Шеф согласился, и я оставил свой пистолет.

Улетел я в отпуск прямым рейсом на АН -24 в Тюмень, а затем в Свердловск. Вернулся через сорок пять дней, как положено. Супруга осталась на Родине пока дочке не исполнится хотя бы полгода.

У меня было какое – то тревожное предчувствие и оно подтвердилось. Федька сидел за столом

Демьяныча и ел ножку курицы. Морда была вся в жиру, локти на столе и заулыбался на мое появление.

Я сразу продекламировал ему язвительный стишок. Шел я лесом, видел беса, два татарина сидят и бараний хрен едят. Федька почему – то не реагировал и продолжал нехорошо улыбаться. Зашел с обеда Иванов и сообщил, что они утопили мой пистолет. Я не поверил, этот пистолет был хорошо пристрелен и я никогда из него не мазал. Что случилось, рассказывайте подробно. Он мне начали рассказывать какие – то сказки. Якобы Федор сопровождал кассира на лодке и пистолет вывалился из оперативной кобуры. Прибывший из Салехарда инспектор разрешительной системы искал его специальным магнитом и они его не нашли. Я сказал этим негодяем, что врать маленькому не хорошо сейчас я им растолкую, как было. После прилета я был в столовой, а потом в туалете, который уже упоминался, так как девчонки в столовой мне рассказали, что мой милиционер, что – то искал в туалете. Я проверил и из одного очка торчала длинная металлическая труба от отопления. Так Федя или может опровергнешь мои размышления. Я посмотрел приказ по этой фене и увидел, что мне объявили замечание по службе. Прибывшего инспектора за плохой поиск утраченного оружия Бикбулатов вообще оставил в РОВД, навечно. Я позвонил в отдел, доложил о прибытии из отпуска, а также

стал возмущаться, проведенным халтурным расследованием и моим замечанием по службе. За – то, что я не оставил свою кобуру, а мне казенную и не выдавали. Шеф понял, что вся троица его обманула и тут же, Федьку отозвал в район. Иванова отругал, а инспектор надолго застрял в роли оперативного дежурного в дежурке. Все эти разбойники поняли, что со мной шутки плохи.

Однажды ко мне с жалобой на семейную жизнь зашла Зоя Ильинична и рассказала,

что муж ее запивается на выходных по прилету и закатывает скандалы. Я попытался разобраться

в этом семейном клубке и докопался, что детей в семье трое, а супруга вообще полная амнезия к женщинам. Я спросил у Зои, как же дети рождались. Она ответила, а вот так и рождались. При первой беременности после свадьбы, а они оба были из казачьей станицы, он даже плевро не порвал, о чем при осмотре поведал ей доктор. Так и продолжается почти десяток лет. Дети рождаются, а удовольствия супруга не получает никакого. Один ребенок болеет аспираторными заболеваниями постоянно, и врачи говорят такие выживают лет до четырнадцати не более. Мне то – что с этим делать. Заявление писать она отказалась, но попросила помочь ей борьбы с пьянством мужа, и чтобы прекратил дебоширить. Дождался я прилёта её мужа с буровой и пригласил его повесткой в участок. Там с ним очень сурово поговорил, сделал

письменное предупреждение о привлечении его к уголовной ответственности по ст.113 Уголовного Кодекса за систематическое истязание и показал ему статью, чтобы понял, что шутки

в сторону. На том и разошлись. Вроде все там уладилось. Через месяц звонят мне из третьего

общежития. Говорит комендант Зоя Ильинична. Я конечно поздравил ее с повышением. Разговор

был фактически пустой выразившийся, почаще заходить в общежитие для проверки порядка.

Я и так там бывал через каждые три, четыре дня особенно в воскресенье. По приходу в общежитие

вахтеры были всегда приветливы, а Зоя вообще вся из себя. Заходила она в участок и когда бывал на месте Демьяныч.

Складская база, расположенная сразу за нашим административным корпусом была огорожена

решетчатой оградой и была выставлена сторожевая охрана в балке. К осени стало холодать и для обогрева стали подключать самодельные плитки – козлы с открытой спиралью.

Не стал исключением и эта сторожка. Работала там бывшая сожительница Николая, водителя с водовозки, а Николая я хорошо знал, который некоторое время проживал до появления сожительницы со мной в одной самой крайней комнате второго этажа второго общежития. Парень спиртного не употреблял и кроме работы увлечений не и мел. Она бы-

ла очень комплектной женщиной. Красивая налитая фигура, красивое лицо. Я заметил, что Демьяныч часто проверяет базу в ночное время, якобы на предмет проникновения преступного элемента, но мне что – то показалось на самом деле это не так. Подозрения пали на проверку сторожихи, уж очень она была сексопильна. Через недели две произошло возгорание в этом балке, и женщина задохнулась угарным газом и дымом. Утром ее обнаружили кладовщики без признаком жизни лежащей на столе, заменявшим ей кровать. Лежала она на спине, руки вдоль тела, одетая в трико и спортивную кофту. Я осмотрел ее, но никаких признаков насильственной смерти не обнаружил. Не обнаружил их и судмедэксперт. До сих пор этот факт для меня остается загадкой. На козле, стоявшим около стола я никаких следов горения не обнаружил. Должен был остаться пепел или нагар.

В конце лета Демьяныч, укатил на большую землю за семьей, мы с председателем Зуйковым

Анатолием Сергеевичем, дать ему квартиру. Авторитет к этому времени у меня в поселке уже

был непререкаемым. Народ меня нарек полевым командиром, а я и не обижался. Это название

будет в будущем у всякого рода анархистов. Как только я остался опять один, произошло убийство.

Соседи с дома по ул. Волынова, что напротив конторы УНГРЭ, сообщили о трупном запахе из

квартиры первого этажа. Я выдвинулся на место. Посту-

чали в присутствии соседей, но никто не открывал и признаков жизни, не было. В этой квартире жила одинокая в возрасте работница почты в возрасте. У нее была какая-то редкая национальность. Толи ханты, толи манси. Я бывал в этой квартире ранее проверял паспортный режим. Женщина была порядочная, воспитанная и вежливая. Жилье содержала в опрятном состоянии. В последнее время стала употреблять частенько спиртное. Я даже не мог представить, в чем дело. Когда вскрыли квартиру, женщина с явными признаками трупного запаха лежала в кухне на полу. На столе стояли полупустые бутылки испод водки и заплеснувшая, скудная закуска. Женщину пришлось доставить в морг, который у нас находился на территории больницы в обычном балке, даже без морозилки. Признаков насильственной смерти у женщины я не обнаружил. Выдал хирургу Царегородцеву постановление на судебно – медицинскую экспертизу. Допуск у него бы, но дело было добровольное, и еле его уговорил. Он согласился на экспертизу только в моем присутствии. Пришлось мне одевать противогаз, и участвовать при вскрытии трупа, оказалось, что у потерпевшей ударом сломаны шейные позвонки. Серега сказал, что убийца обладал недюжинной силой. Смерть

наступила примерно пять-шесть дней

назад по гнилостному разложению внутренностей. Точнее даст только биологическая экспертиза.

Пришлось срочно высылать биологические остатки в окружную медико-биологическую экспертизу.

Опять постановление о назначении биологической экспертизы и срочно нарочным-летчиком экипажа

на Салехард отправлять изъятые внутренности. Туда я уже позвонил, чтобы встретили в аэропорту и

передали по назначению. Ответ мне пришел через три дня, к этому времени я уже опросил всех на

почте по месту работы убитой узнал, что она находилась в очередном отпуске уже месяц. Поэтому

никто из почтовых работников о ней не побеспокоился. Опросил всех соседей, установил знакомых

которых, почти не было. Удалось только установить, что в последнее время к ней захаживал какой-то

парень. Смуглый, широкоплечий, кривоногий с короткими руками. Подобного экземпляра я стал

искать в экспедиции и по общежитиям. Буквально по частям, собранным от очевидцев установил

немного образ подозреваемого. За два дня я вышел на третье общежитие, где и работала Зоя

Ильинична комендантом. Пошел к ней по имеющимся данным установил, что только один по

описанию, по национальности казах подходит по всем па-

раметрам, а по данным биологической экспертизы было установлено время совершения убийства. По записям журналов и по приметам комендант назвала подозреваемого, приходившего в это время в общежитие. Преступник в это время даже не подозревал, что убил женщину и преспокойно был в залётке на буровой. Попросил начальника диспетчерской службы Жаворонкова Льва Георгиевича срочно отозвать в контору подозреваемого. Жаворонков был у меня командиром, когда я работал тараканом и отдавал приказ – наряды по отправке груза на буровые. Однажды дал наряд да не тот номер, на который необходимо было отправить груз, а потом свалил на меня, что я ошибся. Зато он регулярно ходил в дружину от самой конторы и рассказывал всякие байки. Так, например – однажды он с другом таким же амбалом пошел в пивную, где они поколотили каких-то бандитов. Этот анекдот долго ходил по поселку. Рассказывал также как на одной буровой персоналу две недели не завозили продукты. Была осень, и мужики смотря на клинья пролетающих журавлей, решили соорудить пушку из трубы НКТ. Из ружья достать журавлей было невозможно, все выходы на охоту в тундру результатов не принесли. Из оружия сде-

дали обрез, заварили его в такую же трубу с флянцем, обварили ствол в нем и завинтили по резьбе в основной ствол. Затем приварили все к станине управляемой ручным тельфером для наводки, протянули от спускового крючка веревку и решили испытать кучность на стоящей поодаль от буровой новой бане устроенную в балке

ППВТ – 8. Зарядили ружье обрезанным патроном только с капсюлем. Засыпали в трубу банку дымного пороха, затрамбовали ветошью и прицелились, закрепили орудие и с двухсот метров выстрелили. Раздался оглушительный выстрел, дымом все заволокло, а когда он рассеялся, бани на месте уже не было, остались одни щепки. Когда дядя Вася Подшибякин узнал о случившемся, устроил всем разгон за оставление людей голодными, досталось и изобретателям. Которые всё – таки зарядили свою пушку дробью и мелкими гайками, а не крупными как на пробе сбили почти целый косяк. Сам Лев был метр пятьдесят с кепкой, худощав и с козлиной бородкой. Доставили мне этого типа, действительно он был коренаст, рост около ста семидесяти пяти ростом, чуть повыше меня, руки действительно как крюки – коротышки, настоящий убийца. Забрал я его у вертолета, в наручники и привел к себе в кабинет. В клетку не стал помещать, а приковал за одну руку к батарее, дал ручку, бумагу, банку помочиться, задав необходи-

мые вопросы и удалился. Мне даже самому допрашивать его было просто неприятно. Сказал, к утру не напишешь мужики тебя утопят. Все вопросы на бумаге. Там было написано, что он делал определенного числа.

Было уже поздно, я просто устал, а было уже слишком поздно. К утру подумает, поволнуется за что его задержали и все вспомнит. Утром я пришел, но он ничего не написал и даже не предполагал, о чем ему писать. Я начал допрос. Подозреваемый отказывался даже в знакомстве в убитой.

После описания социально -демографических данных, начал его потрошить. Бесполезно, незнаком, не знаю никогда в дом тринадцать по улице Вольнова не заходил. Вызвал соседей убитой. Пригласил проходящих по улице парней для проведения опознания. После опознания соседями, что именно этот человек часто заходил в этот подъезд и именно к убитой. Подозреваемый, поплыл и начал и начал давать показания, но ничего толком не помнил. Пришлось задавать наводящие вопросы.

Сколько дней он был на отдыхе, чем занимался каждый день, каждый час и так постепенно за шесть часов мы вышли с ним наконец на знакомство с убитой. Ну, а далее дело пошло быстрее. Все вспомнил, когда познакомились, когда завязались близкие отношения, ссорились ли т. д.

Позвонил шеф и сообщил, что следователя прокуратуры не будет, находится в отпуске.

Приказал все материалы по делу выслать вместе с подозреваемым самолетом, в аэропорту

Его встретит конвой и заканчивай там, пусть сами дорабатывают, имея в виду прокуратуру.

Отправив подозреваемого, с экипажем АН-2 я также предал опечатанные материалы.

В условиях самостоятельности мне часто приходилось нарушать все инструкции и обстоятельства

Вынуждали весь отдел рисковать свои служебным положением. Хорошо, что через три года

Моей работы у меня хоть было теперь личное оружие и то благодаря после захвата катера.

Иногда мне просто приходилось, как говорится ходить в рукопашную. Иванов вскоре привез свою

семью, у него была дочь в возрасте тринадцати лет. Квартира у него была на первом этаже,

а на втором этаже проживал хирург широкого профиля Царегороцев Сергей, супруга у него

тоже медик, очень высокая и крупного телосложения женщина, она как раз помещалась в проем

двери. Видя ее меня брала оторопь. Был какой – праздник Зоя Ильинична зашла к нам в участок

и пригласила нас с Ивановым зайти к себе в общежитие отметить это событие. Иванов сразу

выразил согласие и вечером после работы мы пришли в общягу. У Зои был отдельный кабинетик, в фойе здания. В комнате у нее была неплохая закуска из салатов, полу – копченой колбаски и малосола – сигаовой породы рыб. Зоя поставила на столик коньяк и красную икру. У нас она была в дефиците. Мне это что-то напоминало. Демьяныч при виде коньяка и закуски стал весел и разговорчив. Мы довольно прилично посидели и к одиннадцати часам стали собираться домой.

Иванов уже начал навязываться на вечерний чай в гости к комендантше. Но та, тактично ему отказала.

Мы уже выходили из общежития, Зоя провожая нас шепнула мне, чтобы я пришел к ней домой.

Разошлись по домам. Я переоделся в гражданку, надел сверху свой широкий серый плащ

и двинулся в предложенном мне направлении. Зоя встретила меня у себя на квартире, а проживала

она рядом со своей работой. Так начался наш жаркий и длинный роман. Больше в ее квартиру

я не приходил. Она сама прибежала ко мне, я был один, пока моя семья находилась в Свердловске.

В поселке долго никто не знал о нашей связи, в последствии, в это была посвящена только ее

подруга, дежурная общежития, женщина в возрасте и то через год нашего знакомства

Впервые в своей жизни я почувствовал других, совершенно других женщин. Температуру их тела, приятность и их запах, страсть их стоны, да и все остальное. Моя супруга была очень хорошая женщина, но что-то было не то, а что я понял гораздо позже. Я настолько сильно привязался к Зойке, что ждал ее каждый вечер с нетерпением и какой-то ревностью. Она разошлась со своим супругом и получила квартиру фактически в ста метрах, через бетонку от моей квартиры. Наши любовные приключения продолжались очень длительное время. Каждый свободный вечер я ожидал её.

В добровольной дружине состояли два брата Кожерковых Иван и Дмитрий. Последний проживал в старом поселке. Дмитрий был заядлым рыбаком и охотником, он часто заходил ко мне с разными проблемами, сын его служил в армии и должен был вскоре демобилизоваться. Дмитрий в последнее время, что – то не заглядывал ко мне в кабинет, а тут ещё по месту его работы на ферме, расположенной недалеко от аэропорта произошёл нелепый случай. Появился Дмитрий и сообщил, что утром обнаружил телку привязанной за ноги к стойлам на растяжку и это вызывает у него подозрение на половое удовлетворение с крупно – рогатым скотом. На ферме экспедиция два года назад завела десяток коров

для обеспечения молоком детского садика. Я даже не знал, что ответить Дмитрию и выдвинул версию о простом хулиганстве, сторожа на ночь никто никогда не оставлял. Предложил ему немного подождать и посмотреть, что произойдет в дальнейшем. Прошла неделя, другая Кожерков прислал доярку и та поведала мне, что события, описанные Дмитрием подтверждаются. Я решил обратиться к в экспедицию и согласовать действия дружины по поимке извращенца. Довел до сведения руководство экспедиции и решили действовать обязательно на воскресные дни, когда на ферме ночью обычно никого не было.

Выставленная засада из дружинников прокараулила несколько субботних и воскресных дней и через две недели задержала злоумышленника, и кто бы это был как Вы думаете? Сынок Дмитрия вернувшийся из армии. Оказалось, что он был до того стеснительным из – за своего прибора с признаками слоновости, что боялся знакомиться с девушками и вынужден был удовлетворяться подобным образом. В Уголовном

Кодексе имелась статья за скотоложство, но применения в Союзе нигде не имела.

За время проживания в малосемейном общежитии я познакомился с семьёй Беляевых, Юрием и Ольгой. Они имели двух детей, Кириюху и Илзу. В свою очередь они меня познакомили с семьёй Дмитрия.

Он проживал с супругой в доме недалеко от общежития
вышка – монтажников. Димка в свободное время
занимался переплетом книг, даже делал теснения. От пер-
вого брака он на свою беду привез сына
в возрасте шестнадцати лет, довольно неблагополучного
воспитания. Однажды из больницы мне
сообщили, что к ним доставлен мужчина со значительны-
ми телесными повреждениями, ушибом
головного мозга в тяжелом состоянии от общежития выш-
ка – монтажников. Документов у него при себе
не имелось. Я навестил пострадавшего, осмотрел,
но не мог его опознать. Лицо до того было изуродовано,
что невозможно было понять даже примерный возраст.
Единственное, что было приметным это рыжие
небольшие усы. Одежда его была мне предъявлена мед-
сестрой, вся грязная в песке и только на спортив-
ных синих трико выделялись двойные белые лампасы. Ру-
башка обычная в клеточку вся была порвана
и интереса никакого не представляла, так как такую рас-
цветку носили многие парни. Ну хоть что-то
да есть для размышления дальнейшего поиска и установ-
ления личности. Я несколько часов только
потратил на поиск точного места происшествия. Наконец
один из опрашиваемых сообщил, что видел
как дрались, двое парней, один плотного телосложения
постарше и пьяный, а второй худой и молоденький.

он и бил этого мужчину в основном ногами, как в приемах карате. Одежды очевидец не запомнил,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.